

НАШИ • ТАМ

АЛИСА И ВЛАДИМИР
ПЕРЕМОЛотовы

ТЕСТИРОВЩИК
МИРОВ

Наши там (Центрполиграф)

Владимир Перемолотов

Тести́ровщик ми́ров

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Перемолотов В.

Тестировщик миров / В. Перемолотов — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08684-6

Его профессия – тестировщик компьютерных игр. Его задача – первым войти в игру и проверить, все ли там хорошо, все ли правильно... В этот раз он рассчитывал немного пострелять в простеньком шутере от первого лица, но компьютер, который настраивал враг, посчитал, что ему лучше знать, куда повернуть сюжет игры. Тестировщику пришлось не только угонять самолеты и отбиваться от спецназа, но и побывать на пиратском корабле, сразиться с древними богами, нацистами и хозяевами летающих тарелок...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08684-6

© Перемолотов В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Алиса Перемелотова и Владимир Перемелотов Тестировщик миров

© Перемелотова А.В., Перемелотов В.В., 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Берег казался пустым, и задержаться глазу было совершенно не на чем...

Ну как пустым... Относительно, разумеется. Кучи песка, водоросли, куски плавника никак не заслуживали моего внимания – если там кто-то и прятался, то наверняка маленький и безобидный. А вот в кустах да за деревьями... О! Там, за ярко-зеленым пологом, могло найтись что угодно.

Мне, считай, повезло. Только что я с первого раза преодолел водопад по скользкому от брызг карнизу и теперь готовился вступить в лес. За моей спиной, на той стороне реки, остались все блага цивилизации, мой вездеход и палатка – так что самое время было начаться приключениям. Часики-то такают, время идет.

Вот. Накаркал!

Едва успел отпрыгнуть. Ох, какие зубки-то у нас... Нечищенные, надо полагать. Септические... В глазах оскалившейся морды отразился только что преодоленный мной водопад, а в зубах, будь они начищены, должен был бы отразиться я сам, но мне повезло. По всем признакам морда должна быть травоядной. Ну, по всем правилам то есть.

Только вот взгляд ее ничего такого не выражал. По морде отчетливо видно было, что мой новый знакомый такой же вегетарианец, как и я... Зверюга как-то боком шагнула мне навстречу, словно бы просто так, между прочим. Я на всякий случай так же бочком отошел. Я сегодня точно не завтракал, так что, может быть, и он...

Динозавр прыгнул, но я уже был к этому готов. Из ствола вырвался сноп пламени... Морду отбросило. Она заверещала, балансируя на одной лапе. Трехпалая ступня заскребла когтями по камням, сквозь шум падающей воды противный звук сыпанул по спине мурашками. Можно было потратить еще один выстрел, но я решил щегольнуть выправкой и здоровьем и с разворота врезал зверюге десантным ботинком.

Время немножко растянулось. Каблук летел по баллистической траектории, в глазах морды разгоралось грустное понимание, чем это для нее, морды, должно кончиться. Они пересеклись, и понимание в ее глазах сменилось философской обреченностью. Зверь качнулся и совершенно неэстетично нырнул в водопад.

Вот и все об этом динозавре...

Пора было порастрясти свой патронташ – не ногами же этих тварей топтать. День обещал быть...

За спиной что-то сочно хрустнуло. Если б я уже был в лесу, то так могла бы хрустеть сочная трава или какой-нибудь налитой соком корнеплод под лапой хищника, но стоял-то я на камнях, а значит, ни корнеплода, ни хищника рядом оказаться не могло. Это мог быть только...

Я стащил с головы шлем полного погружения. Точно. Мой личный шеф подкрался. Наверняка хотел проверить, чем это я на работе занимаюсь и за что он мне в кассе ежемесячно деньги выдает.

– О чем задумался? – спросил шеф и по-свойски глянул на контрольный экран. – А! Филонишь... Работа стоит, а ты тут...

Можно было бы сказать, что я занимался чем-то полезным, но на экране из только что бурных, а теперь застывших вод предательски торчал хвост канувшего туда динозавра. Эту игру я тестировал месяца два назад и не спешил удалять с жесткого диска. Получился у ребят неплохой приключенческий шутер – со стрельбой и следопытством. Охотникам нравился, во всяком случае... Продажи идут.

Хотя какого черта? В данный момент я вообще мог заниматься чем угодно, хоть в носу ковырять, – все одно хоть и нахожусь на рабочем месте, а работы-то нет. Отстают от графика наши программисты-игроделы.

Так что шеф со своей критикой мимо пролетел, тем более что и сам он в данный момент не работал, а жрал чего-то вкусное... Яблоко!

Коллега был розовым, яблоко – зеленым. Конечно, если бы оказалось наоборот, то это было бы странным, хотя видывал я и зеленого шефа. Но сейчас вид он имел довольный, распираемый во все стороны корпоративным здоровьем, и я решил это подправить.

– Жил да был в одном яблоке Червяк, – задумчиво произнес я, вертя в пальцах ручку. – Да такой гнутый и вычурный, что его посылали на соревнования по художественной гимнастике. Судьей.

– Тьфу на тебя...

Шеф вынул яблоко изо рта и стал рассматривать его, но после некоторого колебания снова сунул в рот.

– Зря стараешься. В национальной китайской кухне и не то едят... – прочавкал он. – Я там был недавно. Подумаешь – червяк, фаршированный яблочным пюре... Ты ведь это имел в виду?

Я поперхнулся и глотнул остывший кофе. Мой друг и начальник нашел достойный ответ.

– Я вообще-то о гимнастике.

Шеф улыбнулся несколько недоверчиво.

– И о том, во что превращается яблочное пюре в животе такого замечательного червяка...

Он лицом не дрогнул, но яблоко все-таки отложил.

– Настроение, я вижу, у тебя сносное.

Я сделал рукой жест, говорящий, что он не очень-то и прав, что настроение у меня так себе и вообще...

– Вот-вот... А я о тебе позаботился. Работу принес.

– Целую коробку работы?

Он пришел с коробкой, и теперь она вызывающе стояла рядом с ним. Я вздохнул. Я работу не искал, а она меня все-таки нашла. Ну, тут делать нечего – денешки мне скоро ой как понадобятся!

– Давай ее. Сподобились, значит, наши игроделы? Довели игрушку до ума?

Шеф пожал плечами:

– Ну как тебе сказать... Это третий, кажется, вариант, что означает, что вполне может быть и четвертый, и пятый... Ты же это не хуже меня знаешь.

Тут он прав, конечно. Кто бы взялся спорить. Тем более я заметил, что у наших спецов головы-то светлые, а вот руки – кривые.

– Кто строгал?

– Алексей со товарищи... Привет, кстати, просил передать.

Услышав имя, я улыбнулся. Если б у меня имелась привычка татуировать звездочку за каждую отбитую у кого-нибудь девушку, то этот самый Алексей, начальник одной из наших групп разработчиков, стал бы очередным поводом. Анечка предпочла меня ему... Ну, пусть

утешится работой... Ему полезно. Надо же – танцует и в танце, вместо комплиментов, про пиксели девушке на ушко шепчет. Ну не идиот разве?

– И что там у них нового?

– Все новое. Они там закатывают глаза и обещают полное погружение в игру. Представляешь? Полное!

Я подумал малость и совершенно честно, как на духу, ответил:

– Нет. Не представляю.

– Вот и я... – немножко притушив восторг, признался шеф. – Мне кажется, это должно случиться как в книжках. Ну, знаешь... Идет герой по улице, и р-р-раз. Уже куда-то провалился. Кто-то в какой-нибудь Хогвартс проваливается, а кто-то к амазонкам-извращенкам... Вот и тут, похоже, так же будет. Шлем надел – и провалился. Даже на улицу выходить не надо. И ощущения обещают, как в настоящей жизни. Поцелуй – значит поцелуй, – продолжил шеф. – А бейсбольная бита – бейсбольная бита.

– А оргазм – значит оргазм... – продолжил уже я, представляя Анечку в костюме амазонки, любящими глазами обгладывающую меня, а у нее под ногами – рыдающего Алексея. Ни разу даже не надкусанного! – Если так, то к амазонкам бы неплохо провалиться, – пробормотал я.

– Они – извращенки, – напомнил шеф.

– Ну и что? Ничего страшного не вижу, особенно если они хорошо прорисованы...

Тут до меня дошло, что это означает.

– Погоди, погоди... Это все на нашем старом оборудовании? – Недоверчивости в моем голосе хватило бы на троих. Возможности наших упрощенных игровых шлемов я представлял.

Шеф меня обнадежил:

– Ну нет... Для таких игр придется игрокам кое-что новенькое приобретать. – Он ногой подвинул коробку и показал мне: – Вот тебе новое оборудование. Заодно и его проверишь... Алексей тебе свой отдал. Он как узнал, кто игру будет тестировать, сперва отдавать не хотел, а потом все-таки сказал, что от сердца отрывает... Что там между вами случилось-то?

– Да ничего не случилось, – улыбнулся я. – Почти ничего...

– Значит, про Анечку все правда?

– Что – все?

– Да ладно тебе... – махнул рукой Шеф. – Молодец!

– Ладно... Я на работе о личной жизни не разговариваю. Куда там проваливаться придется?

– Вон почитай, чего рекламный отдел понаписал...

Я взгляделся в постер. Глаза одну за другой выхватывали фразы: «Нечто новое и удивительное... Специальная программа... Редкий случай для игрока стать Судьбой для персонажа... Коррекция действительности, а также генерация новых реальностей, временных пластов и локаций...»

– Локаций? – переспросил я.

– Ну, тут так и написано «локаций».

Я посмотрел на шефа, а тот на меня. Мы осмысливали прочитанное.

– То есть игрокам, может быть, придется и по Луне друг за другом погоняться? – спросил шеф как раз о том, о чем подумал я сам. Куда, интересно, при такой самостоятельности нас может завести комп?

– Ну, думаю, до этого не дойдет, – глубокомысленно высказал свое мнение я. – А вот типа по Парижу или по Варшаве... Почему бы и нет? Можем и там пострелять, побегать друг за другом... По Лувру-то отчего не побегать?

– Латинская Америка, – напомнил шеф.

– Ну, тогда по Лиме или Мехико.

Я снова наклонился к коробке. Что сразу снова поставило в тупик – обозначение сторон в игре. Я с удивлением поднял глаза на шефа:

– Почему они так стороны обозначили? Какой дурак им это подсказал?

– А что там? – Он наклонился над моим плечом.

– Президент и Мятежники.

– А как их еще обозвать? – удивился шеф. – Они там такие и есть.

Вот странные люди вокруг меня живут. Очевидных вещей не понимают. Я легонько стукнул шефа костяшками пальцев по лбу.

– Они б их еще террористами обозвали. Есть же более приличные обозначения для таких. Повстанцы или Подпольщики... Сам ведь знаешь, какое в нашей стране отношение к мятежникам и террористам.

Я кивнул в сторону беззвучно работавшего телевизора, где закамуфлированные «наши» стреляли в закамуфлированных «не наших». Экран сверкал вспышками разрывов. Не то кино, не то новости. Не понять.

– Да. Действительно.

Шеф почесал затылок:

– Ладно. Я передам... Это мы поправим.

– Конечно, поправят. Если не позабудут второпях.

Я покрутил диск в руке:

– Так. Что еще мне знать полагается?

Шеф задумался, потом пожал плечами, ничего важного не вспомнив.

– Да вообще-то ничего особенного там тебя не ждет. Делаешь стандартный тест. Сюжет прост как грабли. Есть две стороны: Президентская и...

Он увидел, как я насторожился, и тут же поправился:

– Инсургенты... Я поднял брови.

– А чего? Хорошее слово... Так вот, Президентская и Инсургенты. Играть можно за любую из сторон по выбору игрока.

– Действительно, все как у людей. Или подполье, или тайная полиция. А звать их как? Ну, моих соратников. Персонально... Я так понимаю – там целая банда?

Шеф воодушевился:

– Вот, тоже находка игроделов! Как игрок захочет, так и назовет... Захочет назвать врагов Гитлер, Геринг, Чингисхан, а своих – Ленин, Сталин и Брежнев – пожалуйста. Так и будет.

Я покачал головой. Что у детей в головах будет твориться после такой игры, несложно представить.

– Учителя истории нам за такое спасибо не скажут.

Шеф гнусно, как злодей в фильме, ухмыльнулся.

– Нам, акулам капитализма, это по барабану.

– Не скажи, – возразил я. – Я вот не то что ты. Я – социально зрелый индивидуум! Кстати, можно вместо Гитлера назвать врага Витька из третьего подъезда?

– Да хоть Ленка с чердака. Комп подстроится. Ты давай мне зубы не заговаривай. Садись за работу.

Я взвесил шлем в руках, осмотрел. Действительно новенький. Таких раньше не делали.

– Сейчас. Имена для своих придумую и...

– А чего придумывать, голову трудить? Пусть будут Первый, Второй, Третий... И так далее. Ты, разумеется, Первый.

– Где там, ты говоришь, дело-то происходит?

– В неназванной стране, расположенной в Южной Америке.

– Ага. Значит, либо «дон», либо «сеньор», – сообразил я. – Фоном – пальмы и девушки в бикини и топлес... Хотя нет. Игру еще и детям продавать придется, значит, только в купальниках.

– Годится! А врагов, чтобы не путаться, я цветами обозначу, – предложил я. – Сеньор Синий, сеньор Красный, сеньор Зеленый... Или овощами? Сеньор Помидоро. Сеньор Баклажано. Сеньор Банано.

– Сам решай – тебе с ними играть. Там, кстати, есть функция распределения имен самой программой. И не затягивай. У тебя, как у испытателя, будет возможность прямо в процессе игры попрыгать между персонажами. Сам понимаешь, что такой возможности игроку мы не дадим. Тут либо – либо. Либо ты подпольщик, либо ты тайная полиция. Там ведь, по существу, два параллельных хода событий. Один – тот, где повстанцы главные, а другой – где главные те, кто за ними гоняется, – десантники.

– Понятно. Как мне переходить из режима в режим?

– Для перехода из режима хлопни трижды в ладоши. Ясно?

А что тут скажешь? Ясно, конечно...

Я внимательно рассмотрел коробочку с диском, поскреб ее ногтем, словно это могло что-то прояснить. Моя осторожность была сродни осторожности путешественника. В любой реке есть подводные камни, просто одним «везет» наткнуться на них, а другим – нет. Вот видишь перед собой приятный лужок или спокойное озерцо. Казалось бы, беги туда с радостными воплями, радуйся красоте и безопасности и тому, что сейчас сможешь сбросить надоевшую, пропотевшую одежду и либо покататься по травке, либо нырнуть в теплую чистую воду... Но вся эта красота вполне может оказаться ловушкой. Лужок – поверхностью болота, а в озерце может дожидаться обеда какая-нибудь тварь пострашнее любвеобильной русалки.

Так и эти новые игры. Это не прежние потуги компьютерных гениев, при которых играющий когда хотел, тогда и выходил из игры. В играх на полное погружение все сложнее. Игрок не выходил из игры сам. Его выпускал компьютер – полноправный участник игры. Выпускал тогда, когда это разрешалось правилами. Обычно когда игрока убивали или он живым добирался до конца эпизода... Сейчас, на тестировании, все должно идти по более простому варианту.

Что ж, надо браться. Денежки зарабатывать. Они мне понадобятся, когда Анечку в Дубай повезу.

Шлем на голову, очки, микрофон поближе к губам... Расслабиться. Ну, вроде бы все... Готов. Глубокий вздох и... Все. Я вошел в игру...

* * *

Как всегда в играх, где идет полное погружение, первые секунды игрок сживался, сливался с программой. Мощный комп и человеческое тело со своими привычками, слабостями принаравливались друг к другу, сливаясь в один игровой комплекс, а прописанный игроделами характер персонажа сливается с личностью игрока.

Я ощутил себя плывущим над городом. Внизу шли люди, и меня неодолимо повлекло к одному из них. Что-то внутри меня точно знало, что мне нужен именно он. Я опускался вниз, пока не очутился у него за спиной. Он остановился, и мы слились. Он и я... Теперь из нас двоих получился один человек. Каким-то краем сознания я понимал, что это игра, но стоило отвлечься, как я тут же понял, что не игра это, а самая настоящая жизнь и я в ней – последний игрок. Кто такой я? Станный вопрос, я – Крымов. Майор КГБ Крымов...

Та-а-а-ак... Это, получается, исторический боевик сделали? Я, выходит, в СССР? Любопытно...

И еще любопытно, как я со стороны выгляжу? Ну, лицо какое у персонажа? Мужественное? Волевое? Это ведь тоже важно. Кому захочется ощущать себя маленьким и толстым, пусть даже в игре.

Надо будет зеркало найти, приглядеться.

* * *

...Над осенней Москвой третьи сутки висел дождь. словно просеянный через чайное ситечко, он не падал, как полагалось порядочному дождю, на асфальт, а мелкой изморосью висел в воздухе.

Спасаясь от сырости, люди поднимали воротники плащей, прикрывались зонтами, но помогало это мало. Дождь лип к одежде, и через несколько минут та пропитывалась водой, словно лягушачья кожа. Как всегда в это время, площадь Дзержинского заполняли машины и люди. Из метро и «Детского мира» в обе стороны – на вход и на выход – шумно двигались потоки людей. У подземного перехода они встречались. В этом месте людская река нешуточно клокотала и выносила часть людей – гостей столицы – на улицу 25 Октября.

Гости плотными рядами двигались в ГУМ, каждый за своим интересом. На другой же стороне площади, перед известным всему миру зданием КГБ, народу наблюдалось значительно меньше.

Магазинов в той стороне было мало, к тому же книжный не представлял для варягов серьезного интереса, а в магазин «Фарфор» очередь формировалась еще с ночи, и утренние пешеходы явно не имели никаких шансов в нее вклиниться. Поэтому через этот выход метро между восемь тридцатью и девятью обычно выходили либо заплутавшие в переходах, ошалелые от многолюдья гости столицы, либо сотрудники Комитета государственной безопасности.

Я относился к последней категории.

Не торопясь поднялся по ступеням навстречу московской погоде. Слева в низкое небо упиралось здание комитета. Не раскрывая зонта, только подняв воротник плаща, не торопясь прошел мимо. Внезапно захотелось дотронуться рукой до шершавой стены, но из осторожности я не стал этого делать. Да, я любил это здание. С ним меня связывали воспоминания о начале работы в комитете, но вот уже шесть лет, как я не появлялся в этих стенах: последнее время моя служба проходила в спецотделе комитета, прикрывавшемся крышей какой-то конторы по развитию спорта на селе, ходил без формы, но сюда меня все-таки тянуло.

Подставив лицо дождевой сырости, я свернул в переулок, выходящий на улицу Кирова. Каких-то забот новый день мне не сулил. Уже третьи сутки я наслаждался заслуженным отпуском, а дома, между третьим и четвертым томами Большой советской энциклопедии, лежала путевка в дом отдыха. Впереди меня ждали юг, море и все прелести цивилизованного отдыха. Эту возможность я ценил особо, так как большую часть времени по роду службы мне приходилось проводить в далеких от цивилизации местах земного шара. Думая об этом, я пока ходил по Москве, с удовольствием глотая сырость, представляя, как скоро стану вспоминать все это, лежа на горячем песке. Единственное, что омрачало настроение, – так это необходимость дважды в день связываться с начальством. Но что поделаешь? Тут без вариантов. Я точно знал, что в моей жизни всегда может найтись место подвигу. Обычно этот подвиг планировался моим начальством, и я узнавал о нем загодя, но всегда существовала вероятность, что подвиг найдет меня несколько раньше, чем этого хотелось. Такое уже случалось.

Заложив небольшую петлю, я прошел мимо главного входа, чтобы с неизбыточным удовольствием посмотреть на часовых, в буденовках и шинелях времен Гражданской войны.

Глядя на них, вспомнил часовых у Букингемского дворца, да и многих других часовых в других местах, которых мне посчастливилось видеть в своей жизни, а кое-кого даже и снимать – ну никакого сравнения! Красавцы! Эти фигуры давно уже стали частью московских традиций.

Конечно, трехлинейки в их руках выглядели куда как большим анахронизмом, чем буденовки и шинели с «разговорами», но все, включая и туристов, и самых настоящих шпионов, знали, что часовые – декорация, рассчитанная на «посмотреть». Что-то вроде живых матрешек или сувенирных балалаек. С ними, как и с их британскими коллегами, можно было фотографироваться, чтобы потом где-нибудь в Оклахоме, Портсмуте или Осло показывать друзьям гнездо «кровавой гэбни».

Пусть их...

Машинально посмотрел на часы. Время у меня еще имелось. Несколько минут точно. Да и телефонная будка стояла на глазах.

«Вот есть у людей работа, – подумал я, наблюдая за людским потоком на той стороне площади. – Хорошая, правильная. С 9 до 18 с перерывом на обед. И с коротким днем – пятницей... Устраиваются же люди в этой жизни!»

Честно скажу, зависть эта имела характер эфемерный. Найти такую вот работу в СССР никакой проблемы не составляло – везде висели объявления «Требуется... Требуется... Требуется...». Только ведь это будет другая работа. Я вздохнул. Совсем другая...

Приходилось мне читать агитки Иностранного легиона: «Работая у нас, вы сможете побывать в разных экзотических странах, познакомиться с интересными людьми и... убить их». Моя работа одним боком пересекалась с такой рекламой. Только не за деньги, за идею. А идея – это, братцы мои...

Так... Время вышло.

Взглянув на часы, я подошел к телефонной будке. Набрал номер, обменялся несколькими ничего не значащими для окружающих фразами, после чего, поймав такси, пришлось поспешать на работу. Накаркал...

Первое, что я увидел, войдя в кабинет начальника, – мое личное дело. Второе – склонившуюся над ним голову шефа.

Начальник, которым меня осчастливила судьба, был мужчина видный, с военной подтянутостью и от этого казавшийся моложе своих шестидесяти лет. Однако волосы дважды выдавали его возраст: во-первых, тем, что меньшая их часть уже стала седой, а во-вторых, тем, что большая их часть вовсе отсутствовала.

Чувствуя, что все это не просто так, не случайный рутинный вызов, я быстро оглядел стол. Так и есть. Если знать, куда смотреть, и отметить заранее кое-какие закономерности, то и до начала разговора можно узнать очень многое.

Был у генерала маленький пунктик. Так, ничего страшного... Не слабость даже, а простая привычка. Психолог наверняка это как-то объяснил бы, но я в объяснениях не нуждался, да и не хотелось мне связываться с психологами, особенно со штатными. Дело в том, что я подметил: генеральское волнение проявляется (не при подчиненных, разумеется) в верчении бюстика Дзержинского. Причем как-то так волшебным образом получалось, что если к моему приходу бюстик стоял ко мне одним боком, то выходило одно. Другим – другое. Хуже всего бывало, когда бюстик стоял лицом. Тогда казалось, что генерал, словно не доверяя собственной проницательности, призывал на помощь своего предтечу и они вдвоем рассматривали меня с тем, чтобы составить единственно правильное мнение. В этом случае дела приходилось проворачивать ох какие нелегкие. Такое на моей памяти случалось дважды. Первый раз после лицецерения Феликса Эдмундовича фас меня занесло на Африканский Рог, а во второй – в Лаос.

Из первой командировки я вернулся с простреленным бедром, из второй – без трети группы. Ну ладно... Бог не выдаст, свинья не съест...

Я собрался, как положено, доложить о себе и даже начал:

– Майор Крымов...

Но шеф остановил меня, вольно махнув рукой:

– Вижу, что майор, вижу, что Крымов...

Он сложил личное дело, покачал его в руках, словно принимая какое-то решение, и положил его на край стола.

– И даже вижу, что прибыл...

Переплетя пальцы рук, генерал с интересом рассматривал меня. Взгляд показался мне таким пристальным, что я машинально скосил глаза вниз – нет ли там чего такого, что я не заметил, а генерал разглядел. Что-нибудь вроде незастегнутой ширинки...

За окном шумела Москва, но в этот кабинет шум не залетал. Возможно, боялся ответственности и подписок, которые пришлось бы давать. Я одернул себя – надо же, какие глупости в голову лезут – и сосредоточился.

– Прочитал ваше жизнеописание... – продолжил хозяин высокого кабинета. – Впечатляет... За шесть лет работы в отделе у вас случился только один прокол, а дела были... – Он замялся, подбирая слово: – Интересные.

Я осторожно молчал. На разнос это не походило, да и не за что вроде, хотя и на благодарность в приказе – тоже.

Похоже, что шеф уловил мое недоумение. Его губы тронула улыбка. Он поднялся. Карандаши в подставке бодро звякнули.

– Я знаю, вы в отпуске?

– Так точно.

– Где намеревались отдохнуть?

«Н-да-а... – подумал я. – Намеревались... Вот так вот с нашим братом. Штурм и натиск».

Я вздохнул без надежды вызвать сочувствие и сказал, уверенный, что шеф и так все знает:

– В нашей санатории. В Сочи.

Говорил это я спине своего начальника, потому что в этот момент тот открывал сейф. Когда генерал повернулся, в его руке обнаружился залитый пластиком конверт.

– Я думаю, что вы и так все уже поняли.

Он подтянулся, показывая, что неофициальный разговор окончен, и, глядя на него, я тоже вытянул руки по швам.

– Здесь ваше новое задание.

Лиловые круги отметили конверт в пяти местах. Разговор можно было считать законченным, но в лице шефа я уловил колебание, словно тот хотел добавить что-то еще. Я чуть склонил голову, и шеф, не удержавшись – каламбур сам просился на язык, – сказал:

– Это, конечно, не санаторий, но тоже на юге...

Не выражая лицом ничего, кроме преданной заинтересованности, я продолжил есть начальство глазами.

– Задача перед вами стоит не из простых... Республика Сан-Саман вам знакома?

Я припомнил последние читанные новостные бюллетени. Вроде бы ничего там про этих не писали... Не писали-то не писали, но это вовсе не означало, что там ничего не происходит или не произойдет в самом ближайшем будущем.

– Никак нет. Приходилось три года назад работать севернее, у соседей, а у них – нет.

– Ничего. Наверстаете. В двух словах. Там находится станция слежения за спутниками. На самом деле следит она не только за спутниками, но и за подводными лодками и прочими интересными объектами. Принадлежит американцам. Нас это не устраивает...

Я молчал, понимая, что у меня не спрашивают, что нужно сделать. Наверняка об этом уже подумали умные головы в других местах. На мою долю осталось выполнить все, что они напридумывали. Взорвать, наверное, или, перед тем как взорвать, похитить что-нибудь или кого-нибудь.

Но генерал меня огорошил.

– Нам нужно, чтобы к власти в республике пришли люди, ориентированные на дружбу с СССР или... Лучше уж пусть эта станция никому не принадлежит, чем кому-то еще. Задача понятна?

Несколько секунд я молчал, переваривая услышанное. Выходило ой как нехорошо...

«Пломбированный вагон и куча немецких марок, – подумал я. – Или японских иен. И лет сто на организацию местного подполья...»

Видимо, эта мысль мелькнула на моем лице, а может быть, генерал просто предугадал ход моих мыслей.

– Организовывать революции перед вами задача не стоит. Надо всего лишь помочь местному подполью решить организационные вопросы со сменой нынешнего руководства республики. Не более того... Не стану утверждать, что от выполнения этой миссии зависит ход мировой истории, но движение в нужном направлении вы ей придать определенно сможете!

Я повернулся через левое плечо и собрался покинуть кабинет. Мелькнула мысль выйти строевым, чтобы хоть так показать шефу свое недовольство, но сдержался. Ребячество это все.

За дверью оказался коридор, по которому я двинулся вперед. Мимо проходили люди, открывались и закрывались двери.

Ага... Вот то, что нужно. На стене висел щит с эмблемой пожарной охраны. За стеклом с надписью «ПК» лежал свернутый в рулон пожарный шланг. Но меня интересовал не он, а само стекло, точнее, отражение в нем. Я рассматривал себя с интересом... А ничего... Нормально. Мужественное лицо, волевой подбородок... Тонкостей, конечно, не разглядеть, придется ждать до хорошего зеркала, но то, что я увидел, мне понравилось. Что ж... С таким лицом можно играть героя.

Я пошел по коридору, оценивая работу художников. Неплохо. Точно неплохо... Строгость, минимализм и вместе с тем надежность и уверенность в будущем. Годится!

Где-то на периферии зрения болтался какой-то странный значок, что-то вроде сцепившихся между собой колечек. Можно было не обращать на него внимания, но он почему-то будоражил сознание, словно далекий гудок паровоза. Напоминал о чем-то.

Я потянулся к нему, и тут реальность раскололась, и я почувствовал, что поднялся над ней. Картинка, окружавшая меня, застыла, и я выскочил из игры.

Шеф стоял рядом, наблюдая за мной.

– Ну и как? – Он смотрел с интересом. – Это введение, ну, чтобы ты знал, что к чему.

– Это я понял. Молодцы ребята. Мир здорово прорисовали. Считай, как в Москве побывал... И личность у героя приятная.

Шеф посмотрел на часы, что-то решил для себя.

– Ладно... Рад, что понравилось. Давай дальше.

Я двинул мышкой и снова провалился в игру.

* * *

...«Если подлететь к Кайзерклау со стороны Большого Заржавленного озера, то город представится вам лошадиной головой, протянувшей губы к воде. Именно такую форму захотел придать городу незабвенный Энг. Он построил первый дом на этом месте 150 лет назад, когда нашел в этих горах первую Слезу Господа.

Энг был из породы чудаков. Когда в его долину хлынул поток обезумевших от жажды наживы людей, Хозяин радушно принял всех, позволил поселиться рядом, однако поставив одно условие:

– Когда-нибудь меня не станет. Детей у меня нет, а я хочу, чтобы меня помнили. Вы можете селиться рядом со мной, но дома будете строить так, чтобы город и далее походил на лошадиную голову.

Чудакам прощается многое. Богатым чудакам – прощается все.
Вскоре Энг умер, а город так остался лошадиной головой.

Как водится, вскоре следом за старателями пришли преступники и проститутки, за теми – полиция... Короче говоря, все пошло тем порядком, который заведен от Бога, – появилась настоящая, крепкая власть, финансисты, промышленники, кабаре и публичные дома, воскресные школы, танцклассы и недовольные всем тем, что появилось...

Все пришло к тому, что Кайзерклац стал главным городом одного из наиболее промышленно развитых регионов республики Сан-Саман...»

Я покрутил в пальцах невесть как попавший сюда путеводитель, пожал плечами. Самое ему, конечно, место и время... Но молодцы разработчики. Добавлю им плюсов. Это ведь тоже на достоверность мира работает. Хотя, может быть, и не зря эта брошюра мне в руки попала, может быть, понадобится позже информация... Хотя рассматривать ее наверняка следовало как часть фальшивого следа – организаторы так тут все законспирировали, что я не удивился бы этому.

Черт! Что ж время-то так тянется! Скорее бы...

Над головой плыли облака.

Не те поросятобразные, бело-розовые, обещающие приятный день, переходящий в чудный вечер, а черные, косматые, грозящие близким дождем. Разумеется, ни тучи, ни дождь никого тут не пугали, а вот то, что имело место быть над угрюмыми облачными стадами, внушало опасения. Там, за облаками, вообще летало много чего интересного и опасного.

– Команда на включение... – я сверился с часами, – через 37 секунд.

Стрелка летела по кругу, подводя нас к тому моменту, когда над головами не окажется ни одного известного нам спутника. Где-то там, вверху, за облаками, за многокилометровой, но все-таки прозрачной атмосферой, болтались спутники. Шпионские, метеорологические, связные и кто их теперь разберет, какие еще. Их там вертелось больше тысячи. У наших и у американцев, которым принадлежали девять десятых всех космических аппаратов, имелось столько ресурсов, что они могли позволить себе следить не только друг за другом, но и за любым уголком планеты, хоть сколько-нибудь интересным для сверхдержав. Вполне могло оказаться так, что какой-то из американских аппаратов именно сейчас, случайно или нет, направит свой объектив на Сан-Саман и увидит все эти приготовления... Я передернул плечами. Не хотелось бы, чтобы так случилось. Информация, попади она в чужие руки, могла бы привести к бо-о-ольшим неприятностям.

А ведь и впрямь могла бы попасть. Ну, чисто теоретически. Мысль моя уткнулась во что-то там в голове и встала. Ну, конечно же, информация должна попасть к врагам революции – иначе зачем создан этот игровой мир? А как попасть?

У Сан-Самана никаких спутников, разумеется, не имелось, но вот станция слежения, та самая, укомплектованная военными из США, существовала. Вот с ней наши игроделы и увяжут все происходящее. Кроме того, из памяти персонажа я помню, что у республики имелось целых два самолета электронной разведки. Так что с этой стороны тоже могло прилететь моим подопечным.

Поток мыслей покатился нужной дорогой. Я-персонаж вспомнил, что и у нас имелось несколько тузов в рукавах. Не отрывая взгляда от стрелки, я скрестил пальцы на удачу, чтобы не сглазить. Бог, он ведь бережет только тех, кто и сам о себе может позаботиться.

– Внимание! Начали!

Мир вокруг вздрогнул и изменился. Лес, хотя и стал ощутимо чаще, посветлел, словно и не летели над ним тучи... Несколько минут я вертел головой, осматривая кусты, потом, сделав несколько шагов, скрылся за зеленью. Прошел, вернулся. За моими перемещениями, прикусив губу, смотрел коллега – Джексон. За кустами он меня почти не видел, но ориентировался по скрипу песка.

Видно было, что лес ему нравился. Он и впрямь оказался неплох. Вполне естественный, вполне зеленый, вполне освещенный и густой. Имелись, конечно, некоторые природные несоответствия, но с этим злом приходилось мириться. Очевидные для человеческого глаза мелочи сверху не разглядеть, а вблизи смотреть вражьими глазами было некому.

– Где это снято?

– Под Гринвельдом. Растительность эндемична.

– Программа старая?

Старую программу Президентская Безопасность могла бы и отследить.

– Нет.

Наверху стремительно собирались тучи. Ветер завыл, раскачивая кроны деревьев.

Задумчивость, в которую отчего-то впал мой коллега, меня не устраивала, и я раздраженно спросил:

– И что там дальше?

Мой визави продолжал молчать, хотя на лице отчетливо читалось желание сказать что-нибудь в свое оправдание. Но не решился. Только махнул рукой в затягивающееся тучами небо.

– Все пойдет в соответствии с имеющимся для этого участка прогнозом погоды, а потом будет ночь...

Что говорить – с погодой повезло.

Горизонт затягивало марево – пыль висела в воздухе, и сквозь ее облака едва-едва просматривались заросли на недалеких холмах и небольшие рощи. Все, что было перед глазами, возбуждало чувство заброшенности и связанной с этим таинственности.

– Идеальное место, не правда ли? – наконец спросил Джексон.

– Его долго выбирали, – уклончиво ответил я. – Имелись и недовольные...

– Ничего. Когда все кончится, недовольных не будет.

– Это точно. Все попадут в Историю... Вы войдете в учебники мелким шрифтом, примерно в таком контексте: «Техническим персоналом, обслуживавшим 17-ю конференцию Общества защиты демократии насилием, руководил Джексон Поремба.

– А вы?

Я пожал плечами. Не объяснять же ему, что я – Главный Герой всего этого! А значит, если в этой игре дойдет до школьных учебников, то шансов быть упомянутым у меня гораздо больше, и шрифт будет покрупнее... Но говорить о своих амбициях сейчас не хотелось. Вместо ответа, я посмотрел на часы. Самолет опаздывал, и это пожатие плечами относилось больше к тому недоумению, которое я начинал испытывать, чем к вопросу Джексона.

– Я буду рядом с вами...

Уловив мое раздражение, тот сказал:

– Опаздывают...

– Задерживаются...

Горизонт вокруг нас уже плотно затянули облака. Сквозь пыль изредка посверкивали молнии. Прогноз погоды не обманул.

– Может быть, локатор?

– Бесполезно. Там же спецсамолет.

Джексон покивал сдержанно. Сколько таких, невидимых для радаров, аэропланов имела организация, он не знал. Точнее, до сего момента он не знал, что они вообще существуют – машины, не фиксируемые радаром, а вот поди ж ты... Собственно, ничего удивительного в такой вот степени секретности не было. В самолете летели не просто люди, а легенды подполья. Те, кто сделал целью своей жизни борьбу с диктатурой военных больше двух десятков лет назад. Люди, фотокарточки которых наверняка хранились в сейфах Министерства Безопасности, но которых видел далеко не каждый член Общества.

Самолет появился внезапно, словно выпрыгнул из низкой облачности. Еле слышно жужжа, машина зависла в воздухе. С облегчением я махнул рукой пилоту, показывая, где садиться. Едва колеса аппарата коснулись земли, как заработала видеопластическая установка.

Фантазия у разработчиков игры тут сработала хорошо и в правильную сторону. Они до перспективной штуки додумались: вставили в нее такой прибабас – машина, делающая иллюзии. Нужно дерево – сделает дерево. Нужен камень – сделает камень. Какая-то голографическая хрень. Для маскировки – самое то! Если б такое и в жизни было, то реальные военные от зависти перевешались бы.

Машина почти целиком спряталась в кустах, на поляне остался торчать только хвост. Поманипулировав ручками, Джексон закрыл и его группой деревьев. Теперь даже если за этим куском земли следил какой-нибудь спутник, то ничего интересного передать своим хозяевам не мог. Кто их считает, все эти рощи и рощицы? Лес – он и есть лес.

– Включить обзор в оптическом и инфракрасном диапазонах... Задействовать систему охраны периметра...

Ну, дальше у них и без меня все пойдет. А мне – с делегатами...

Делегаты прошли к небольшому холму, занимавшему центр композиции, созданной техниками.

Холм, как и многое вокруг него, был иллюзией. Он скрывал в себе небольшое здание, собранное на легком каркасе, а за стенами – несколько рядов стульев и казенного вида кафедра.

Я уселся в заднем ряду и стал смотреть, как входящие электронные сущности рассаживаются по местам.

Все это заняло не больше минуты, и вот, когда шум сдвигаемых стульев затих, на трибуну вышел уже знакомый мне руководитель Службы Безопасности Общества и представился:

– Служба Безопасности. Прошу подтверждения полномочий.

Так. Обстановка у них как? Что это на стенах? Вот негодяи! Обвешали стены плакатами из старых фильмов. Вон Шон Коннери, вон Кларк Гейбл, а Пол Маккартни как сюда попал? Интересно, как у них тут с авторским правом обстоит? А то вчинят фирме иск...

Это – на заметку. Два кружочка все еще маячили у меня перед глазами, но я сдержался. Не старик. Склерозом не страдаю. Запомню.

А игра тем временем развивалась далее.

Когда формальности закончились, выбранный Председатель объявил о начале Конференции.

– Друзья! Время наше коротко и потому дорого. Серьезность решений, которые мы собираемся сегодня принять или отвергнуть, также побуждает нас действовать быстро...

Собрание мрачно и недоверчиво слушало. Все тут знали цену времени. Я тоже. Нормальный любитель шутеров говорильней не заинтересуется. Ему стрельбу подавай.

Мои глаза перебегали с одного лица на другое. Лица почему-то казались знакомыми. Похоже, что у Алексея фантазии не хватило, и он набрал каких-то образов из своей команды. Точно. Вот этого я помню. Все курит около туалета... А вот эти вовсе мне не знакомы. Откуда он только таких взял? Лица совершенно разбойничьи. Такое впечатление, что у них через одного в биографии то тюрьма, то каторга. Интересные у него знакомые. Нет... Затянул Алексей интродукцию к игре. И Москва тебе тут, и Конференция... Надо что-то одно оставлять! Тем временем оратор, словно почувствовав мои мысли, обвел зал тяжелым взглядом.

– Все присутствующие в курсе повестки дня, и первичное обсуждение прошло в самолете. Вопрос один. Первый, он же единственный. Комитет Кайзерклацкого отделения Общества предлагает провести акцию против Президента!

А вот с этим он молодец. Нечего рассусоливать. Я сюда пострелять пришел, а не разговоры слушать.

– Прошу высказываться.

– Покушение – это, конечно, хорошо, – сказал кто-то из задних рядов. – Куда как славно... Стряхнуть, так сказать, пыль со знамен и штандартов...

– Прошу на трибуну, – строго сказал Председатель, – нечего по углам шептаться.

Перекрывая легкий шум каким-то механическим скрипом, слегка прихрамывая, по проходу к трибуне вышел еще не старый человек.

– Зорбич, – представился он. Опершись руками на кафедру, человек почти свесился вниз, стараясь оказаться поближе к залу. – Покушение – это дело, – повторил делегат. – Только вот зачем все это?

Он замолк, разглядывая зал. Ответа инсургент не ждал, только хотел привлечь внимание к своим словам. Словно отвергая упрек в трусости, продолжил:

– Я принимал участие в трех акциях, избавивших народ от двух так называемых пожизненных президентов, а что изменилось? Все осталось на своих местах: военные у власти, а мы в подполье... То ли дело у соседей.

Он махнул рукой, показывая всем, кого именно из соседей имеет в виду.

– Акция, переворот, гражданская война... Оппозиция у власти! Вот с кого пример брать надо. Я отдал делу терроризма свою ногу. А ради такого финала отдам и вторую!

Зорбич рубанул рукой по кафедре, грохотом подтверждая свои слова.

– Или я не прав?

По залу прокатился одобрительный шум. Одноногий делегат говорил вообще-то очевидные для всех вещи. Не желая понапрасну тратить время, Председатель значительно звякнул колокольчиком.

– Чтобы облегчить делегатам принятие решения, сообщаю, что между оппозиционными партиями достигнута договоренность о создании Народного Оппозиционного Фронта...

– А покушение тогда зачем?

– Смерть Президента станет сигналом к всеобщему восстанию.

– Это дело... С коммунистами договорились?

– И с коммунистами, и с социал-демократами... – Он усмехнулся: – Даже с кришнаитами... Давайте голосовать.

При одном воздержавшемся Предложение приняли. С явным облегчением на лице председатель поднялся.

– Кому поручается исполнение?

– Особая Комиссия уже обсудила кандидатуры наших товарищей, которым будет поручено провести акцию, однако их кандидатуры нуждаются в нашем одобрении. – Он махнул рукой куда-то в сторону, из-за перегородки один за другим начали выходить люди и строиться у него за спиной. – Своих лучших людей нам выделили соратники со всего мира! Группа интернациональна! Это лишний раз доказывает, что у борцов за свободу нет предрассудков! Вот они, наши герои! Берр – Фронт освобождения Эритреи, Чери – движение Мукти-Бахيني, Зебб – Азиатско-христианский вооруженный фронт, Гекча – Африканский Национальный Конгресс, Зунда – Народный фронт Пандишерии, Пуго – «Индонезийское возрождение», Кастуро – Фронт освобождения имени Джона Брауна, руководитель группы Масгер – Микронезийский Левый фронт.

Я вышел из зала и встал рядом со своими. Кому же, как не мне быть среди них самым главным? Стало быть, это я и есть – Масгер. Ай да Комп! Имена придумал – язык сломаешь!

Председатель что-то еще говорил, а я подумал, что если привязывать вот это все к реальной жизни, то кто его знает, за какую сторону я стал бы играть. Ну, то есть за инсургентов или за Президента. Я-то, настоящий я, отлично знал, что бывает, если кто-то из самых чистых и светлых побуждений начинает выстраивать Самый Справедливый Порядок. Сколько в истории примеров, когда из самых благих намерений столько крови проливали, что ой-ой-ой... И все это за Справедливость, за Правду!

А она, правда-то, оказывается, настолько многогранная, что можно смело сказать, что ее одной для всех, общей, просто не существует. У этих ребят своя правда, а у Президента – своя. В обыденной жизни нам нужна только часть картины мира, которая выгодна той или иной стороне конфликта или спора. В суде для этого есть Обвинитель и Адвокат. А Судья взвешивает доводы одного и другого. То есть это и есть подтверждение того, что Правда может оказаться как на той, так и на другой стороне, такой и эдакой.

Могут возразить, что есть очевидности, которые вроде бы не требуют объяснений и расшифровок! Вода – мокрая. Земля – круглая... Яблоко – зеленое... Но это не факт. Земля не шар. Земля – геоид. Яблоко-то может быть и зеленое, но и елка также зеленая, так что его зеленость нужно описать десятком дополнений: светло-зеленое, темно-зеленое, желто-зеленое...

Ну и кто тут прав? Непонятно...

А вот при силовом решении конфликта такой половинчатости не получается. Проиграл – значит, не прав! Особенно если на могиле проигравшего историки потом отпляшутся с литераторами. Вот написал Дюма «Три мушкетера». А ведь если убрать оттуда романтику, это будет книга о том, как приехавший из провинции в столицу хамоватый юноша препятствовал представителям власти выполнять свои функции... Хулиганил и применял холодное оружие, а в конце концов стал соучастником убийства.

Кстати, дуэль также хороша для решения любых неочевидных вопросов. Она, правда, не способствует выявлению истины, зато помогает поставить точку в конфликте мнений. Вот к такой вот дуэли мы сейчас плавно и подходим – Инсургенты против Президента. Выигравший оказывается прав. Ну а мне под это дело надо развалить станцию слежения...

Нет... игроделы молодцы, что сделали игру с возможностью играть за обе стороны – по выбору.

Не зря умные люди предрекли: «Кто в двадцать лет не либерал, у того нет сердца, а кто в сорок лет не консерватор, у того нет головы». Со временем люди обязательно умнеют и становятся консерваторами, которые хотят попросту жить, растить детей и радоваться жизни. А энергичная молодежь или те, кто до седых волос остаются мальчишками, не захотевшими эволюционировать, а предпочитающими смотреть боевики, в которых бегают и стреляют, тоже наверняка найдут, чем тут можно заняться. Наши покупатели – они ведь с любой стороны имеются. Я собрался посмотреть, как идут дела у той стороны, но вдруг снова на трибуну вылез все тот же одноногий тип и заявил:

– Прошу меня также включить в группу.

Председатель замялся, оглянулся на меня. Я едва заметно обозначил недоуменное покачивание плеч. Лицо делегата показалось знакомым, но откуда? Кто он такой? Чего от него можно ждать? Не подстава ли от Министерства Безопасности? Я одернул себя. Тьфу... Вот уже и вжился в образ. Надо же, «Министерство Безопасности»! Пока я вспоминал эту личность, председатель, покосившись на меня, сказал:

– Наши полномочия, конечно, велики, но все же мы не имеем права на это. Данный вопрос находится в компетенции Особой Комиссии... К тому же ваш возраст... – Он выразительно посмотрел на ногу: – И ваши раны...

Но тот не согласился:

– Мое здоровье не настолько расшатано борьбой с тиранией, чтобы дать повод говорить о нем, а не о моем опыте. Я не сомневаюсь, что этим молодым людям вполне по силам свернуть голову Президенту Ригондо, но с моей помощью они, возможно, сделают это и быстрее, и лучше.

Сказав это, делегат повернулся к залу, ища поддержки. Загудели голоса. Сидевшие в зале практики знали на собственном опыте, какова сила импровизации. Поэтому все происходящее, с их точки зрения, не вредило делу, а шло ему на пользу. Кто-то из знатоков юридических

тонкостей заметил, что Конференция является высшим органом Общества и вполне может скорректировать решение Особой Комиссии. Его поддержали. Шум нарастал.

И тут я вспомнил, на кого похож этот мощный старик! На завхоза он нашего похож! Это же вылитый завхоз Михалыч! Я с ним на корпоративах пересекался, да и так иногда языками зацеплялись. Помню по его рассказам, что он еще в нескольких горячих точках сумел отметиться и полноги где-то там же потерял. Из вертолетчиков вроде бы... И протез у него... Неужели они его сюда вставили? Таким старичком и в реальном мире могла бы гордиться любая группа. Из наших оказался старичок, из проверенных... Я наклонился к председательскому уху и прошептал:

– Не возражаю.

Председатель покивал и, подняв руку, утихомирил собрание.

– Я приведу ваши доводы Комиссии, а пока решением Конференции включаю делегата Зорбича в группу...

Делегаты удовлетворенно зааплодировали. Под этот шум ветеран, поскрипывая, взошел на подиум и встал крайним в ряду.

– Возражения?

Нет. Ей-богу, затянули... Ну зачем это в игре? Безжалостно резать! Или же вводить какую-то неожиданность. А вот любопытно, чем сейчас был бы занят игрок, выступающий за Президента?

Я трижды хлопнул в ладоши и совершенно неожиданно обнаружил себя сидящим в этом же зале. Это как же? Вроде бы все враги должны быть за стенами? Это или баг, или, получается, один из делегатов оказался подсадным! И я наблюдаю эту реальность его глазами, а в голове вертятся его мысли.

* * *

...Похоже, основной вопрос решился.

Возражающих не нашлось. Все проголосовали за, что я как раз и зафиксировал. Место у меня оказалось очень для этого удачным... Хотя что это значит – «оказалось»? Я и занял его только потому, что посчитал, что отсюда будет удобнее вести запись на шутовину, что мне выдали в Министерстве Безопасности. Махонький объектив приспособили в узел галстука, а коробку прикрепил к поясу. Не думаю, что запись будет поражать качеством, но как вполне доказательная улика смотреться она наверняка будет.

Конечно, все эти завиральные идеи насчет всеобщего братства, и равенства, и справедливости – вещь хорошая. Я сам их исповедовал долгое время, однако со временем поумнел. Сообразил, что пока царство всеобщего счастья не наступило, то дожидаться его пришествия лучше всего в комфортных условиях. И с хорошим банковским счетом. Кто-то, может быть, презрительно поморщится, мол, предатель... А вот нет! То, что я делаю, никак предательством не назовешь. Если уж как-то называть это, то только попыткой вразумить неразумных. У государства не всегда достает сил бороться с помехами на пути вперед к народному благоденствию, а значит, моя задача, как добропорядочного гражданина, помочь ему по мере своих сил...

Я просто устраняю помеху на пути нашего общества вперед. Это моя работа. Мой долг, в конце концов, как гражданина! Насколько я в курсе, вопрос на Конференции планировался один, следовательно, больше ничего не будет. Тогда мне осталось так же хорошо финишировать, как начал: в саквояже у меня лежал баллон с каким-то снотворным газом. Мне надлежало распылить его и способствовать тому, чтобы все делегаты живыми попали в руки спешащего сюда спецназа.

По расчетам, его должно хватить на всех. Поспят и еще, глядишь, добровольными свидетелями выступят на политическом процессе. Может, и покаются, а Президент их и простит.

Пусть рядовыми обывателями жизнь доживают. Все лучше, чем по лесам-горам скитаться да кровь чужую лить...

С этой мыслью я и включил таймер клапана. Как объяснили, тот был откалиброван на задержку в пять минут. Можно бы постараться уйти, однако не хотелось лишних вопросов. Ничего страшного не случится – усну вместе со всеми... Выплюсь... Как обещали, газ должен быть без цвета и запаха. Я только устроился поудобнее – не хватало еще отлежать себе что-нибудь, – как вдруг в саквояже оглушительно хлопнуло, и оттуда рванула такая волна концентрированной вони, что тут же перехватило дыхание. Глаза резало, и каждый вздох, казалось, рвал легкие в клочки. Сквозь слезы я увидел, как мой портфель раздулся, а из него со свистом, словно из треснувшего паровозного котла, бьют в стороны желто-зеленые струи.

Черт! Что ж такое делается? Неужели подставили меня? Или... Додумать не успел... Кто-то, невидимый за слезами, подскочил, меня потащил в сторону. Крики, хрипы и кашель сотрясали зальчик, над всем этим прогремел треск, словно вышибли дверь, и стало тише. Я все еще водил руками вокруг, когда меня повалили на пол и сорвали пиджак, нащупывая провода и коробку.

– Он, – сказал кто-то. – Он, гнида...

Залитые слезами глаза ничего не видели. Кто-то еще с удивлением присвистнул.

– Вон оно, значит, как... Знакомая штучка... Знаем, где такие выдают...

Я молчал, да меня и не спрашивал никто.

– Раз этот тут, – медленно сказал тот же голос, – значит, и его хозяева где-то недалеко...

Ничего хорошего тон мне не обещал, но в этот момент моим спасением стала автоматная очередь. Началось!

От греха подальше я снова трижды хлопнул. Эти ведь могут и по шее надавать. У них не заржавеет!

Люди встрепенулись, начали оборачиваться, но тут все схватились за носы. Такая вонь! Я и то почувствовал. Можно программисту, что такую вонь запрограммировал, премию выдать. Этот точно заслужил! Глаза резало, и каждый вздох, казалось, рвал легкие в клочки. Сквозь слезы я увидел, как одного из делегатов оседлали сразу трое и, спеленав, поволокли ко мне.

– Он, – сказал кто-то. – Он, гнида...

Залитые слезами глаза ничего не видели. Кто-то еще с удивлением присвистнул:

– Вон оно, значит, как... Знакомая штучка... Знаем, где такие выдают...

А молодчик-то не прост... И махонький объективчик в узле галстука, и коробочка какая-то на поясе. Ну гад, понятно... Значит, сейчас, похоже, все и начнется... Хороший, кстати, способ закончить говорильню.

Я молчал, да меня и не спрашивал никто.

– Раз этот тут, – медленно сказал тот же голос, – значит, и его хозяева где-то недалеко...

Ничего хорошего тон мне не обещал, но в этот момент прозвучала близкая автоматная очередь. Началось!

Ну что ж... Пора прерваться...

* * *

Я снова потянулся к сдвоенному колечку и выскочил из игры. Шеф по-прежнему сидел рядом, смотрел в монитор.

– Впечатления? – по-деловому спросил он.

Я пошевелил пальцами, формулируя:

– Тому, кто такую вонь придумал, – однозначно премию, а про все остальное... Пока никаких.

И с удовольствием хлебнул остывшего кофе.

– Разве что вступление слишком затянуто. Зачем игроку все это? Ему экшен подавай, а не рассуждения...

Шеф пожал плечами:

– Объективно ты там был не более четырех минут.

– И что с того?

– Нужно вжиться в мир. Компю нужно время под твой организм подстроиться. Сжиться с телом. Может быть, для этого?

– Ладно. Я подумаю.

Снова шлем на голову и нырок в игру. Что там у президентских?

* * *

...Лежать под маскировочной накидкой было не просто жарко, а жарко до невозможности. Я оторвался от окуляров и покосился на встроенный в камуфляж термометр. Ничего себе! Сорок восемь градусов по Цельсию! Жить, конечно, можно, но еще чуть-чуть, и можно будет вообразить себя вареным яйцом. Третьим. Вдобавок к тем двум, на которых я лежу и которые, кажется, уже... Если после этого рейда у меня начнут рождаться негритята, то я этому ничуть не удивлюсь. Я невесело усмехнулся. Страшно хотелось вытереть хотя бы лицо, но нельзя...

Это мне, южанину, жарко, а что тогда испытывает майор? Он-то не местный, а откуда-то из Европы. То ли француз, то ли вообще норвежец... Хотя, с другой стороны, в снегу лежать тоже небольшое удовольствие.

Кому хорошо – так это этим ребятам из Штатов!

Им-то нет никакой необходимости потеть под маскировкой – они богатые, у них спутники. Сидят сейчас под кондиционерами, потягивают холодное пиво или апельсиновый сок... Сухое горло дернулось в попытке что-то проглотить, и мне показалось, что внутри что-то заскрежетало, словно там сцепились несмазанные шестеренки.

Сидят они, пьют пиво и лениво поглядывают на мониторы, а там я. Потный и вонючий. Выполняющий союзнический долг... Я представил себе все это, и меня аж передернуло от омерзения.

Но тут ничего не поделать, если нет у Республики денег на космические аппараты. Имелась бы возможность, президент наверняка купил бы для родной страны такую игрушку, но вот нет денег. Не дает разбогатеть Республике внутренний враг. Хорошо хоть, агентура в подполье не подвела, достала информацию об этом сборище, и мы успели подготовиться.

Эта мысль добавила бодрости.

И верно! Теперь и без спутников можно обойтись – ведь в том, чтобы поставить на этом деле жирную точку, спутник и не нужен. Тем более что с орбиты арест не произведешь и наручники на злодеев не нацепишь.

Перестав смотреть на изученные до последней ветки кусты, я поднял взгляд в небо, на несущие близкий дождь облака, и этот взгляд принес облегчение.

И что ведь скверно – глаза видели собирающиеся над головой тучи, видели, как под прохладным ветром качаются ветки кустов, а тело под хитрой накидкой не верило этому. Вот это и называется – наука и прогресс! Накидка и впрямь оказалась непростой – кроме обычного камуфляжа она делала его невидимым для любых инфракрасных датчиков. Так что, получалось, хоть простыми глазами смотри, хоть инфракрасными – нет нас тут ни в оптическом диапазоне, ни в инфракрасном. Ценная вещь! На инструктаже так и сказали – беречь накидки как зеницу ока, что, мол, подарок это нашим доблестным спецслужбам от американских коллег. Вот уж, кстати, кому сейчас хорошо.

Мысль опять кругом вернулась к шикающим американцам... Ладно, бог с ними... Они своими делами занимаются, мы – своими... Может быть, когда-нибудь и я сам так же вот, у монитора... А сейчас не до этого.

Проморгавшись, снова прильнул к окуляру. Что там новенького случилось у врагов демократии?

В просветленную оптику я хорошо видел все происходящее. За их перемещениями не только следили несколько десятков пар глаз. Все, что тут происходило, записывалось на видео. Все это войдет в отчет об операции, да и картинка для ТВ стодится. Должны же простые граждане увидеть, как эффективно работает Министерство Безопасности, охраняя их покой и гражданские права. Засняли все: и строительство щитового домика, и приезд первой группы инсургентов, и их возню с какой-то аппаратурой. Вот, кстати, интересно, что они там такое делают, что в одну секунду лес становился то гуще, то реже... Прилет самолета тоже сняли. Похоже, что уже недолго осталось. Может быть, конечно, кто-то из их шишек и опоздал и вот-вот прибудет, но я чувствовал, что ловушка очень скоро захлопнется. Ну, когда же? Когда?

Над головой с ревом пролетел тюремный транспортник. Пассажиров у него сегодня будет уйма.

– Выдвигаемся, – прогрохотало в наушнике. Понятно: теперь-то тишину хранить уже не нужно.

Началось!

Я приподнялся на колени, сбросил накидку. Со стороны, возможно, казался выбравшейся из песка огромной ящерицей, возникшей из ниоткуда, хищником, выбирающим жертву, но в это мгновение я не думал, как выгляжу, а наслаждался внезапно обрушившейся прохладой. Господи! Так бы стоять и стоять!

– Вперед! Вперед! – подхлестнул голос майора.

Операция перешла в решающую фазу. Навстречу ударили выстрелы.

Ну, это не страшно. Надульник автомата расцвел огненным цветком, выпуская пули по кустам. Человек с автоматом упал. Так-то вот. Это вам не деревенских полицейских стрелять. Тут спецназ работает... Жить хочешь – беги и прячься. Не хочешь – просто ляг и умри. Выбор не большой. Плен или смерть.

Инстинкт бросил меня на землю чуть раньше, чем я узнал этот звук. Над головой противно заныло, и с неба обрушился грохот. Минометы. Это откуда у них? Просмотрели. Разведка, мать их... Я выпустил длинную очередь по вспышкам и подумал, что, скорее всего, виноватых не будет. Скорее всего, враги парламентской демократии завезли их сюда загодя и по частям...

Как только слух вернулся, в наушнике раздался рев майора. Он нес по кочкам сразу всех: и инсургентов, и наблюдателей, и вдруг ставшую в одно мгновение хреновой жизнь. Вот тут у меня возражений не имелось. Прямо передо мной взлетел вверх фонтан перемешанной с песком скудной земли. И еще... И еще... Пристрелялись, гады! Остаться на месте значило немедленную смерть. Пришлось вскакивать и бежать вперед. Рядом мелькали силуэты бойцов спецгруппы. Им-то не легче. Трах-трах-трах... Частой дробью ударили выстрелы. Заработал ручной пулемет. Кто-то лупил нам во фланг, заставляя остановиться и подумать о бренности человеческой жизни. Пули буравили песок так часто, что могло показаться, что где-то рядом заработала поливальная машина. Пришлось падать, где бежал, и залечь. Пулемет злобно хлопкотал, наполняя воздух жужжащей смертью. Я на глаз прикинул расстояние. Далековато. Рукой не добросить. Перевернулся на спину, дослал гранату в подствольник, но кто-то успел раньше. Где только что живым огнем цвел ствол пулемета, вырос столб огня и земли. Полетели осколки камней и ветки.

– Вперед! Вперед!

И в этот момент что-то случилось с окружающим миром. Мороки исчезли. Вместо груды камней, из которой бил пулемет, появилось растерзанное взрывом сложенное из мешков укрепление. Рядом с ним вновь выросли взрывы. Волна спрессованного тротилом воздуха добралась и до меня, сбив на землю. Несколько мгновений я лежал, тяжело дыша. Только что гремевший на все голоса мир в один миг стал безмолвным – беззвучно вздымались пласты земли, неслышно вспыхивали огоньки выстрелов. Я перевернулся на живот, потом встал на колени...

Кто-то бросился навстречу. Чужой!

Рука сама нажала на спуск. Перепутал. Отдачей автомат и меня самого отбросило назад, а граната из подствольника разметала террориста на части. Спасибо, выручила хорошая реакция. Сквозь гул в голове снова начали пробиваться звуки боя. Из-за спины весело ударил крупнокалиберный пулемет...

* * *

Неплохо... Азарт есть, движуха... С этим они хорошо все устроили. Если так дальше будет, то очень даже ничего... Кстати, как там?

Три хлопка, и я снова среди инсургентов.

* * *

Люди вокруг стояли статуями, и едва я снова почувствовал тело, как кто-то из них сказал: – Штурмовая винтовка. М-16.

Я вспомнил, что только что держал в руках, и понял, что тот не ошибся. Как один человек, зал замер, прислушиваясь, как будто все это нуждалось в проверке и подтверждении.

Через секунду мысли о проверке, если они у кого и имелись, пропали – стены дрогнули от близкого взрыва, и тут же, словно для того, чтобы рассеять последние сомнения, очередь крупнокалиберного пулемета наискось, от двери до потолка, прошла стенку. Брызнули щепки, разлетелись по всему барраку, а крыша, протяжно скрипя, наклонилась, кособоча стену.

– Ложись!

Но уже и без команды делегаты попадали на пол. Из собравшихся под этой крышей людей, наверное, не нашлось ни одного, кто бы не знал, что означает, если совсем рядом начинается стрельба.

– Первая двойка за мной!

В воздухе еще воняло едкой химией, но новая опасность отодвинула в сторону старую. Я спрыгнул в зал, наполненный звонкой – тронь и обрежься – тишиной, но не успели мы сделать нескольких шагов, как ожила стоявшая на председательском столе рация. Председатель на несколько секунд прижал наушник к голове.

– Нападение на посты внешней охраны.

Шум сдвигаемых стульев сменил шелест рук, залезающих в боковые карманы. Я, не стесняясь, рассматривал делегатов, отыскивая на лицах признаки сильного волнения, и ничего там не находил. Разумеется, предатель в своих рядах и стрельба вряд ли могли означать что-либо другое, кроме неприятностей, однако паники не возникло. Каждый из делегатов знал возможности Общества, знал, что конференция готовилась тщательно и при подготовке учитывались все возможные неожиданности, почти наверняка и эта, а значит, сейчас вступают в действие резервные планы, запасные ходы и отходные варианты.

Да и не может же игрушка, ориентированная на «волю пострелять по себе подобным», закончиться так неказисто? Наверняка ведь что-то заготовлено и для этого случая.

* * *

В дырку от пули виднелись пыльные облака, прошиваемые со всех сторон пулеметными очередями. Совсем рядом жирным дымом чадили обломки спецсамолета. Из пламени в разные стороны вылетали сигнальные ракеты, делая пожар похожим на цветущую клумбу.

Запах слезоточивого газа уже забивала гарь тлеющего дерева. Стены барака кое-где начинали дымиться, и, что самое интересное, никакого камуфляжа – ни кустов, ни деревьев...

Это означало только одно.

– Центральный пост захвачен! – крикнул я в зал. – Самолет разбит.

Председатель, не тратя времени на ответ, ударом ноги сдвинул с места кафедру. Грохоча, та откатилась в сторону, открывая проем в полу.

– За мной, – приказал он. – В люк!

Я едва не засмеялся. Словно стая обезьян, делегаты на четвереньках – никто не хотел получить шальную пулю – прискакали к опрокинутой кафедре.

– Дожили, – сказал кто-то, заглядывая в негостеприимную темноту. – Как в кино... Факелы-то есть?

– А ты подожди, – сварливо посоветовал мой новый подчиненный. – Сейчас из Министерства Безопасности придут, фонарь под глаз подвешат, сразу посветлеет.

Отодвинув председателя, Кастуро нырнул вниз, проверяя темноту под ногами, и через мгновение оттуда донеслось:

– Все чисто. Можно спускаться...

Один за другим люди исчезали под полом.

– В ходе Конференции объявляется перерыв! – проорал Председатель сразу для всех. – Командовать операцией по выходу из окружения назначается Мастер.

* * *

Вот оно! Пришло мое время, и все заиграло новыми красками! Что ж. Возглавлю. Я, конечно, в спецвойсках не служил и особенных хитростей не знаю, но ведь, с другой стороны, и противостоят-то мне не специалисты, а электронные сущности, которых вообще придумали люди, что и автомат-то в руках не держали. А я стрелять умею. Научился. Вон как я с динозавром недавно...

Нет... Все-таки затянуто...

* * *

Внизу, около громоздких ящиков, уже стоял Зорбич. Вместе с Кастуро они сноровисто взламывали крышки и раздавали делегатам новенькие автоматы. Я знаком собрал группу около себя.

– До конца хода – шестьсот шагов. Наша задача – обеспечить безопасность делегатов. Двое, проверьте ход.

Кто их знает, этих специалистов по антитеррору и программистов? Могли и заминировать, если нашли, конечно...

Фонари рассеивали темноту впереди на несколько шагов. В текучих пятнах света проплывали корни растений, округлые, точенные водой камни. Получалось, что о безопасности делегатов позаботились не только люди, но и сама природа. Шума перестрелки я почти не слышал, и ход заполнился шорохом шагов и скупыми репликами беглецов:

- Темно, черт...
- Руками не махай.
- Дерьмо...
- Где дерьмо? – всполошилось сразу несколько голосов позади.
- Все кругом дерьмо...

Голоса стихли, словно люди начали оглядываться по сторонам.

- Это к деньгам... – глубокомысленно заметил кто-то невидимый.

Дверь оказалась именно там, где ее оставили неведомые строители. Во всяком случае, Председатель ничуть не удивился, когда увидел ее за поворотом.

– Поживем еще, – высказался кто-то из делегатов. – Попортим кровь Министерству Безопасности.

Уже около двери, когда коридор остался позади, я скомандовал:

- Гекча и Кастуро – дверь. Чери – справа, Берр – слева. Начали.

Отойдя немного вглубь коридора, сперва Гекча, а следом за ним, отставая на три шага, Кастуро рванулись к двери. Бежавший первым Гекча вышиб дверь, тут же, на пороге упал на нее. Мчавшийся за ним Кастуро вылетел наружу, и в ту же секунду Берр и Чери выскочили из дверного проема, держа автоматы на изготовку. Все ждали выстрелов, но их не последовало. Однако? А где же засада?

Выход неожиданно для меня оказался свободен...

* * *

Проваливаясь в песок, я забрался на холм, прикрывавший выход из-под земли. Рядом на соседних холмах шел бой. Охрана отбивалась от десантников Президента Ригон-до. Гулко хлопали гранаты, и из облаков дыма с радостным визгом летали осколки. Над песком стелился едкий дым дымовых шашек.

Грохот боя не ослабевал, и похоже, что там прорисовывалась интересная локация для параллельного режима. Постарался Алексей, злость свою выпуская. Отвергнутому кавалеру, наверное, интересно было покрошить там все, что можно, в мелкий винегрет. И наверняка у половины защитников Конференции – мой облик. Я усмехнулся.

Вот бы нам куда надо! Вот там было весело! Там где-то оттягивался по полной тот лейтенантик, за которого я недавно пострелял по делегатам. Нет. Не понял я программистов. Это что, мы так вот просто выйдем и уйдем на цыпочках? И место вроде неплохое прорисовали. И где спрятаться есть, и где от вражеского огня укрыться. Пожалуй, еще один минус...

Охрана держалась крепко, однако долго это продолжаться не могло. Пройдет десять минут, ну четверть часа, подойдут регулярные войска и сомнут оставленный заслон, так что в пять минут нужно будет отыскать выход из вроде бы безвыходного положения. Не могли же программисты не дать мне ни одного шанса? Намек должен быть. Такой толстый намек, чтобы кто угодно понял.

- Командир!

Я обернулся. Чери, радостно улыбаясь, тыкал рукой себе за спину:

- Самолет!

И действительно, из-за недалекого бугра торчал хвост самолета. Чужой какой-то хвост, незнакомый. Но он давал нам шанс... Где хвост, там и крылья. Чем не намек?

В логике разработчикам не откажешь. Игра должна двигаться, и если я не нахожу выхода, то его должен найти кто-то из моей команды.

- Берем! Чери, Берр, Гекча – к самолету. И чтобы тихо у меня!

Троица, наворачивая на ходу глушители, бросилась выполнять приказ. Хотя сейчас для нас все решало время, я не стал ничего предпринимать – захотелось узнать, до чего додумаются разработчики, если я упущу инициативу.

А потом все-таки не выдержал и пошел следом – проконтролировать. Кусты, кусты... Хорошая прорисовка местности... Что-то идиллическое даже есть. А вот и площадка с песочком. Для чего это у них? Следы есть? Удар я пропустил... Ого! Да тут человек в засаде. А я не ждал, расслабился. Еще б чуть-чуть...

Человек в камуфляже ударил штыком – я отбил. Стрелять не стал, да наверняка и не предусмотрено это было игрой. Неразумно это: начнем стрелять – и либо самолет попортим, либо десантники прибегут, а оно нам надо? Так что придется ручками его...

Почему не стреляю я – понятно, но почему не стреляет он? Как-то неестественно... А! Вот в чем дело! У него там что-то заклинило – вон затвор открыт... Условия заданы – придется помахать на штыках. Ну-ка, ну-ка... Бьет в плечо, я пригибаюсь. А он успевает ударить меня ногой по голени... Больно! Реально больно! Вот что значит новое оборудование! Тут придется осторожничать. Грудью на пулемет не попрешь. Прогресс-то, он болючий, оказывается.

Пока я раздумывал над путями прогресса в игровой индустрии, в мою грудь влетел штык... Я почувствовал тупой удар, легкую боль и... Мир пропал. Волной накатила темнота, и я... оказался в кресле.

Меня убили...

* * *

Я стащил шлем с головы. Рядом – шеф.

– Убили меня? – на всякий случай спросил, потирая грудь, хотя и так все ясно.

Тот кивает. Киваю в ответ.

Ничего страшного. Испытателю положено умирать. У него жизнью больше, чем у кота. Хотя, конечно, разбрасываться ими не стоит. Отдышавшись – все-таки смерть не рядовое событие даже для меня, – я снова нырнул в игру и снова увидел спины моих товарищей, отправившихся на захват самолетов. Ничего. В этот раз все будет по-другому, сказал себе я. Предупрежден – значит вооружен! Вот они, кусты, и вот она, площадка... Ну, давай...

Он выскочил с незаряженным автоматом. Я присел, рука сама собой подхватила горсть песка и швырнула его в лицо облаченному в хаки десантнику. Попал? Попал! Противник замер, а я, не ожидая ответных действий, добавил ему прикладом в челюсть. Все. Конец. Сдуслся противник...

Так. А это еще что за пиксель?

Только что никого рядом не было, и вот... Вылез кто-то... А фигурка-то ничего... Ну чисто Арни в молодости... Где он, интересно, прятался? Неужели тоже в кустах? Не иначе как там фитнес-центр или школа культуристов.

Мои пальцы ощутимо хрустнули, сжимаясь в кулаки. Посмотрим, что тут программисты придумали... Нет, ну как хорошо сделали-то! Шеей верчу – похрустывает, пальцами пошевеливаю – пощелкивают... Или это у меня настоящего?

Ладно. Сейчас не до этого...

Удар. Блокировка. Ногой... Подхватил его за ногу и опрокинул на землю. Он вскочил и легко начал двигаться по кругу. Против здравого смысла – не орет, на помощь не зовет. Хотя что тут удивительного? Где это в играх вы видели здравый смысл? Так, если только самые верхушечки.

Движения естественные, без угловатости... Прорисован добротнo... Так. А что это за менюшка перед глазами вывалилась? О! Тут у них можно выбрать уровень умения противника! Это они здорово придумали! А вот выставлю «Новичок». Строчка меню загорелась, комп

принял новую настройку. Противник неуклюже затоптался на одном месте. Я сделал обманное движение. Он, разумеется, поддался на провокацию и подставил мне скулу, чем я и воспользовался. Отлетел, упал, попытался встать. Я не спеша обошел его, давая время подняться на ноги. С этим понятно. Ну а если выставить «мастера»?

Едва я это сделал, как мой противник прямо с земли подпрыгнул и зарядил мне пяткой в лоб. Это я напрасно расслабился. Хоть и не смертельно, но приятно мало – словно подушкой по голове врезали. Хорошо, что тут, в тестовом варианте, сила удара ослаблена. Иначе я не представляю, что бы со мной стало!

Я такие вещи обязательно проверяю. Это – часть профессии. Мне точно надо знать, что будет, если такой удар получит игрок. Взрослый-то, понятно, выдержит, а не дай бог, игра ребенку в руки попадет? От этих-то никак не уберешься. Папа-мама на работу, а он шлем на голову и играть... А там очень злые дяди, для которых никакой разницы нет, у кого шлем на голове оказался... Так что такие вещи на контактное усилие обязательно проверяются.

Подставляюсь под удар. В плечо попал, зараза... Ничего, терпимо.

Я снова перевел его в разряд «новичка» и ударом выбил за кусты. Он оттуда не показывается. Значит, благополучно помер. Все. Командую делегатам:

– За мной!

Снова полоса кустов, и сквозь негромкий лиственный шелест слышен почти такой же шелестящий звук автоматных очередей. Выскочивший навстречу Гекча крикнул:

– Самолет наш!.. Можно грузиться...

Из-за холма я выскочил первым и увидел то, что и ожидал. Перед нами стояли три огромные крылатые туши. Два самолета для перевозки десанта, размалеванные зелено-голубыми разводами, и третий... Простенькая громадина безо всяких колеров. Ну, кроме эмблем Министерства Исполнения Наказаний на боку и крыльях.

– Охрана? – бросил я подбежавшему Берру.

– Живых нет... – с чувством превосходства ответил тот. – Кто ж так караул несет? Стояли как тетерева, рты разинувши...

Нахальность действий пока давала нам преимущество.

– Делегатов в первую машину, а остальные...

Берр улыбнулся, радуясь, что все угадал правильно:

– Уже. Я там у них там немножко пострелял в кабине... Хрен они взлетят после этого...

Через хвостовой люк беглецы забрались в машину. Подгонять никого не пришлось. Пока люди занимали места, группа, рассредоточившись вокруг самолета, заняла круговую оборону. Председатель, тыча указательным пальцем в спины, считал делегатов. Когда последний поднялся по трапу, он махнул рукой, и члены моей группы по одному пробежали мимо него.

За штурвал пришлось сесть самому. Может быть, в искусстве пилотирования я и не могу тягаться с профессионалами, но вот поднять самолет и довести из одного пункта в другой – у меня точно получится. Сколько уж я на авиасимуляторах полетал.

Самолет заревел. Туча пыли, поднятая двигателями, закрыла его на мгновение, но, пробив ее, машина рванулась вверх. Из кабины виднелись вспышки выстрелов и как перебегают и падают где попало маленькие фигурки в защитной форме.

– И все-таки не зря... Не напрасно... – пробормотал Председатель.

Я понял его, как, наверное, никто другой из нашей компании. Игра-то только начиналась!

– Конечно же, не зря! Этот бой не окончен, и мы его еще выиграем!

Оторвавшись взглядом от земли, я оглядел приборы. Самолет поднялся до полутора сотен метров и перешел в горизонтальный полет. Подниматься выше я не рискнул – опасно. В этом случае его могли засечь радары противоракетной обороны, а так – у нас имелись неплохие шансы улизнуть незамеченными.

– Пока они там разберутся, пока сообразят, пока вызовут истребители, пройдет минут десять... Маловато...

Я достал планшет, висевший на спинке кресла. Под целлулоидной крышкой бурым пятном растеклась полупустыня. За ней начинался лес, но долететь до него – серьезная проблема. Как и до гор, которых пока даже видно не было.

Итак, летим... Что они тут придумали? Неужели все так просто?

Я сидел в кабине, мои руки почти сами собой работали с приборной доской и штурвалом. Не знаю, что это была за система аэроплана, но внутренность они списали с какой-то старой игрушки. И правильно, кстати... Теперь я вполне мог управлять самолетом.

Мы сбежали! Любопытно, чем они ответят? Ну не может же так быть, чтобы просто утерлись... Я вспомнил про знак окончания уровня – «огненное» кольцо, но ничего подобного рядом не наблюдалось. Ну-ну... Мы возьмем умом и смелостью... И удачей, разумеется...

Мои мечты о том, чтобы просто пилотировать, разбились о суровую реальность. Не успел я обнадежить Председателя, что теперь-то все будет хорошо, как на панели загорелось красное табло. «Радар». Вон куда программисты жизнь завернули!

Опережая меня, Председатель подался вперед, словно хотел разглядеть что-то за мигающей красной лампой. На мгновение мне показалось, что там, за стекляшкой, отблеск настоящего огня, в котором сгорает наша удача. Даже дымок какой-то почувствовал.

– Что это?

– Нас засекли.

Он отрицательно покачал головой:

– Не может быть. На такой высоте нас радаром не взять!

Голос уверенный, словно сам с таким радаром родился или играл им в детстве по крайней мере.

– Наземным радаром, – поправил его я. Левее нас кучерявились низкие облака, и я положил самолет на крыло, чтобы скрыться в них. – Похоже, что это авиационная система раннего обнаружения. Есть такие тут у нас...

Председатель выдохнул сквозь сжатые зубы:

– Знаю. Попробуем удрать?

Попробовать-то можно, но, скорее всего, ничего из этого не выйдет. Не дадут. И так летим, а нас словно сзади кто-то за штаны держит. Вот чего они еще от игрока ждут? Перестреливаться с истребителями, что наверняка сейчас появятся, у меня желания не имелось. Это, с какой точки зрения ее ни рассматривай, хоть с человеческой, хоть с точки зрения Программы, было смертельно глупо. Значит – что? Значит, будем придумывать что-нибудь. В той информации, которой я уже располагал, должен быть намек...

В моей голове складывался план еще более отчаянный и рискованный, чем наше положение, но все же дающий шанс на спасение.

– Не сдаваться же...

Возможно, в моем тоне Председатель услышал слишком много снисходительности, но, честное слово, не ему этот тон был адресован, а мне самому. Пришедшее в голову показалось сперва настолько безумным, что я поспешил внушить своему коллеге уверенность, которой у меня самого пока не было. А ему ведь еще с делегатами разговаривать...

Почему пришла именно эта мысль, объяснить я не мог. Уже не раз замечал – когда судьба припирала меня к стенке, откуда-то брались решения, позволявшие вывернуться. Подсознание ли, интуиция? Позже, разбираясь в случившемся, убеждался, что выбрал наилучший вариант, что иных вариантов просто не существовало, поэтому и в этот раз доверился ей.

На всякий случай еще с десятков секунд поворочал мозгами, но ничего нового придумать не смог. Ища и не находя альтернативы задуманному, я развернул самолет в сторону Большого

Заржавленного озера. Введя данные в блок автопилота, вышел в салон. Делегаты и моя группа вповалку лежали друг на друге. Кое-кто даже расслабленно улыбался.

– Прошу внимания! – сказал я. – Через несколько минут мы покидаем самолет.

В повернувшихся ко мне лицах не нашлось ни капли понимания. Тогда я объяснил, что имею в виду, и с удовольствием посмотрел на вытягивающиеся лица у всякого повидавших на своем веку народных героев. Чтобы товарищи не посчитали меня сумасшедшим, объяснил:

– Сесть мы не можем – нас ведут радаром. Поэтому придется покинуть самолет в воздухе.

Я бросил взгляд на часы. Судя по минутной стрелке, в дискуссию мне с ними лучше не вступать.

– В нашем распоряжении не более пяти минут. Через шесть минут будем над Большим Заржавленным озером. Десантируемся на его поверхность...

– Это же верная смерть, – сказал кто-то, явно ждавший от меня каких-то других слов. – Полшанса...

Я покачал головой, точно зная, что будет, если мы останемся «во чреве».

– Верная смерть – это остаться в самолете! – как можно спокойнее пояснил я. – Минут через десять нас перехватят истребители... И тогда шансов не будет вовсе.

– Неужели не сможем добраться до границы?

Ну как им объяснить, что вовсе не для того, чтобы мы просто сбежали за границу, потрудились целый коллектив программистов, придумавших эту игру? Нет уж...

Я знаком приказал группе готовиться. Чего бы сейчас ни сказали, выход оставался только один – тот, к которому я их подталкивал.

– У нас есть горючее, но нет времени.

– Других возможностей нет?

– Можно подождать, пока нас собьют, – подсказал Зорбич еще один вариант. – И тогда мы окажемся на земле вместе с обломками.

Я кивнул, никак такую перспективу не прокомментировав. Никто больше ничего не сказал. Считая, что разговор окончен, я вернулся в кабину. Табло продолжало угрожающе мигать, но впереди уже блестела вода.

Нет! Не зря они мне ту рекламную брошюрку подбросили! Очень нужную информацию подогнали, и как вовремя-то! Не прочитай я ее, что бы мы сейчас делали? Надо на разные мелочи и впредь внимание обращать – кто знает, что и когда пригодится?

* * *

...Озеро тянулось длинной извилистой полосой километров на тридцать, с двух сторон его окаймляли невысокие, поросшие лесом горы. Ох, как не хотелось падать туда, но ничего другого не оставалось. Я двинул штурвал от себя. Самолет резко пошел вниз.

– Снижаюсь! – крикнул я в салон. – До десяти метров! За моей спиной протяжно закрипели створки раскрывающегося люка.

– Пошли!

Команды никто не услышал – от перепада давления заложило уши, но за мной рванулись все. Я вылетел спиной вперед и видел, как люди высыпались из самолета одним большим комком. Еще в воздухе тот распался на отдельные фигуры. Размахивая крыльями пиджаков, люди в секунду долетели до воды, и вверх полетели фонтаны брызг.

* * *

Так... Ощущения? Вода – мокрая. Удар о воду вполне терпимый... Почки, во всяком случае, целы... Молодцы они. Ну и я, конечно, молодец, что все это придумал. Короче, все вокруг молодцы...

* * *

Двадцать секунд спустя, подчиняясь команде автопилота, пустой самолет изменил курс, направляясь к границе, но смотреть на всю эту красоту уже никто не хотел – барахтающимся в воде людям было не до этого.

Шумно отфыркиваясь, они изо всех сил гребли к берегу, до которого оказалось метров пятьдесят, не больше. Поодиночке и по двое, там, где приходилось тащить к берегу тех, кому больше других досталось при падении, мои пиксельные прыгуны добрались до границы воды и песчаного пляжа. В числе последних доплыли Зорбич и Кастуро, тащившие на себе потерявшего сознание Председателя. Пребывая в безвременье, тот не увидел, как, оправдывая самые мои неприятные предчувствия, над нами с нарастающим ревом пронеслись истребители. Заметили они нас или нет – неясно, но второго шанса пилотам я давать не хотел.

На наше счастье, никто серьезно не пострадал. Конечно, не обошлось без неприятностей, у двух человек оказались не то сломаны, не то вывихнуты руки – такая акробатика не могла остаться без последствий, – но все же приключение закончилось на редкость удачно. Тут не нашлось места точному расчету, только случайность, но она оказалась рядом, и нам этого хватило.

Делегаты полезли из воды на пляж, но я остановил их:

– Собраться около меня. На песок выходить только по камням... Замыкающие подчищают, заматают следы.

Поглядывая то на небо, то на меня, делегаты послушно встали друг за другом и заскакали по валунам.

Молодой лес начинался шагах в сорока от берега густыми кустами, а чуть дальше стояли матерые дубы и сосны. Под их кронами все остановились, глядя, как Зебб и Пуго разравнивают песок в тех местах, где кто-то оступился.

– Вот как мы! – сказал кто-то и засмеялся. Нервный смех волной пробежал по толпе. В нем явно слышался удалой вызов Министерству Безопасности.

Делегаты принялись выжимать одежду. Зорбич, прислонившись к дереву, тоже стащил пиджак.

– Вот уж повезло, так повезло, – сказал он, прислушиваясь к звону в ушах. – Тут другого слова не подберешь.

Какой-то пожилой делегат серьезно возразил ему:

– Это не везение. Это чудо. И Господь сотворил его, показывая, что находится в наших рядах!

Зебб, прислушивавшийся к диалогу, кивнул.

– С нами был не Господь, – ласково возразил делегату Зорбич. – С нами был вон тот человек. – Он показал на меня.

– Нет! Чудо!

Старик размашисто перекрестился. К разговору стали прислушиваться. Заметив это, Зорбич улыбнулся.

– Что Бог? Человек – вот настоящее чудо! – отозвался Председатель. – Я, например, всю жизнь считал, что плавать не умею, а оказывается, я еще и летать могу.

Около него собралась вся группа. Тот морщился и тряс головой. Я присел рядом, и Зебб персонально для него произвел доклад, сведшийся к фразе: потерявшихся и сильно покалеченных нет. Хоть сейчас начинай проводить конференцию заново.

Председателя это удовлетворило.

– Нужно поговорить... – морщась, сказал он, глядя на меня.

– Конечно... – согласился я, помогая ему усесться.

Сценарий раскручивался, близились новые повороты сюжета. Несколько секунд инсургент кривился, устраиваясь так, чтобы болело поменьше.

– Самолет они, конечно, собьют, – сказал наконец он.

Я не возражил. Именно так все и будет.

– И, не обнаружив внутри ни одного трупа, начнут поиск по трассе полета... – продолжил Председатель. – Значит, нам надо уходить.

Я кивнул и добавил к его умозаключению:

– Дураков у них там не больше, чем у нас. Значит, то, как именно мы извернулись, они все-таки догадаются. Это вопрос часов. А скорее всего, и гадать не будут. Выбросят десантников по трассе. Кто-нибудь на нас да наткнется.

Собеседник молча кивал, при этом в шее у него что-то щелкало, но Председатель продолжал кивать, потому что я был все-таки прав.

– Тогда у нас только два выхода: либо затаяться, либо удирать во все лопатки.

Он брезгливо одернул мокрый пиджак и развел руками. От этого движения от него пахнуло тиной и рыбой.

– Где тут спрячешься? В землянках не заживешься... Оцепят лес да прочешут по квадратам. Надо уходить. Сколько у нас времени?

– Не больше двух часов, я думаю.

– Тогда нам нужен автобус.

– Тогда и шоссе.

Опережая вопрос Председателя, я вытащил из-под себя планшет, захваченный из самолета.

– Автобус не обещаю, а шоссе гарантирую...

Спустя несколько минут делегаты построились в колонну и пошли по направлению к дороге.

* * *

Мы не прошли и десятка шагов, как я заметил тот самый пункт выхода, о котором говорил шеф. Огненный овал, в котором, догоняя одна другую, ходили две волны. Персонажи прошли рядом с ним, не замечая его, а вот я вступил в это сияние и спустя мгновение ощутил себя сидящим в кресле и увидел шефа.

– Ну и...

– Пока ничего нового не добавлю. Пока одно очевидно – стрельбы могло бы быть и побольше. Игру-то не вегетарианцы и противники насилия покупать станут.

Шеф с сожалением поднялся, хлопнув себя ладонями по коленям.

– Ты давай, записывай. Копи замечания. Не буду тебе мешать. А я по своим делам двинусь.

Он поднялся. Дойдя до двери, обернулся:

– Да. Алексей просил передать, что самое интересное начнется после самолета... Там сперва опять интродукция, а вот потом...

Я поморщился. Не люблю интродукций, хотя наверняка польза от них какая-то есть, как вот недавно про озеро узнал. Ладно, буду повнимательнее.

– Хорошо. Я услышал...

* * *

И снова я в игре.

Город Санфедудо не мог похвастаться обилием достопримечательностей. Чем сумел бы поразить воображение своих гостей? Университетом? Скотобойней? Вокзалом, представлявшим собой точную копию одного из вокзалов Мадрида? Может быть, лет сто пятьдесят назад этого и хватило бы, чтобы привлечь к себе внимание, но по нынешним временам этого было мало.

Жизнь, в нем, казалось, остановилась. Событий не происходило – так, отдельные случаи, но при всем при этом в городе все-таки умудрялись выходить целых три газеты. Интеллектуальная жизнь теплилась за счет нечеловеческих усилий журналистов. Они передвигались стаями, гоняясь за любой мало-мальски серьезной новостью, по возможности раздувая ее до размеров сенсации. Однако, несмотря на их старания, город все-таки жил спокойной, размеренной жизнью захолустного места, обделенного большими событиями и вниманием знаменитостей.

В тот день газетчики собрались у дверей Военно-Технического Бюро, надеясь вырвать интервью у двух профессоров местного университета.

– Один вопрос! Только один вопрос! – перекрикивая друг друга, орали корреспонденты. – Как проходят ваши опыты? Сколько человек убито?

Плотной толпой обступив двух пожилых людей, они совали им в лицо микрофоны, вспыхивали блицами, но те, не обращая внимания на прессу, рвались к автомобилю. Розовый, упитанный профессор Цаплер (уважаемый человек, один из отцов-основателей университета, которого студенты попросту звали Папа Цаплер) бубнил на ходу:

– Что же вы, господа? Позвольте пройти... Позвольте... Нехорошо...

Кругленький, похожий на ртутный шарик, он, несмотря на свои немалые габариты, как-то протискивался сквозь толпу, но оставленные позади корреспонденты забежали вперед, и нашествие любопытных казалось профессору бесконечным. Следом за ним почти бежал его коллега, тоже профессор Самомото. В противоположность товарищу вспыльчивый и злой, он толкался локтями, лягался и злобно шипел.

Там, где лестница суживалась, корреспонденты сгрудились плотной группой, совершенно закупорив выход на площадь. Цаплер приостановился, и ему в спину ткнулся коллега.

– Сколько убито на этой неделе, профессор? – почтительно осведомился у него молодой человек. Юноша уже приготовил блокнот, чтобы записать цифру, и преданно смотрел в глаза ученому.

– Уйди! – взвизгнул профессор. – Все уходите, а то горохом плюну!

Корреспондент от угрозы шархнулся в сторону, и профессор устремился в образовавшуюся брешь.

– Цаплер, за мной, – скомандовал он.

Вырвавшись из объятий прессы, Самомото сел в машину, словно опасный зверь в клетку, и погрозил оттуда кулаком журналистам. Папа с задумчивым выражением лица последовал за ним.

– Бегом! – нетерпеливо взревел из кабины профессор. – Бегом! Прыгай! Нечего нам тут делать! Идиот на идиоте!

В руках профессор уже держал коробочку с успокоительным. Только Папа шаг не убыстрил. Величаво и с достоинством добравшись до авто, он поклонился прессе:

– Прощайте, господа! Удачи вам!

Сопровождаемый вспышками блицев грузовичок с профессорами резко взял с места, оставив позади площадь, нахальных газетчиков и неприятности.

Минуту спустя профессора уже неслись по ярко освещенным улицам Санфедуло. Переключив скорость, Самомото смачно плюнул наружу, жалея, что не догадался плюнуть в какого-нибудь корреспондента. Несколько минут профессора молчали, переживая только что случившееся, потом Самомото сказал:

– Да, Папа, ты меня извини, конечно, но следовало бы показать ему овощ в действии...

Папа Цаплер, начавший было задремывать, от слов Самомото встрепенулся:

– Кому?

– Да этому хмырю из Бюро...

– А что его показывать? У него наверняка есть сводки полицейского управления...

Взяв с соседнего сиденья портфель, профессор покопался в нем и вытащил пачку листов, скрепленных зажимом. Ветер с удовольствием ухватился за них, и кабина заполнилась шелестом. Перекрывая шум, профессор начал читать:

«а) 25 человек подорвались при попытке сорвать ананасы;

б) 54 человека и 148 животных (включая 87 голов крупного рогатого скота) подорвались на лабораторном огороде, преимущественно на грядках с морковью;

в) 8 грузовых автомобилей вместе с рабочими (40 человек) и водителями (8 человек) подорвались при погрузке и разгрузке и транспортировке урожая...»

Папа совсем проснулся и с азартом загибал пальцы. Ветер дождался своего счастья и вырвал бумаги. Те рассыпались под ногами, но профессор не обратил на это внимания. Все, что там писалось, профессора знали наизусть.

– Да знаю я это все, знаю... – повел головой Самомото. – Но для него это почему-то не убедительно...

– А перезревшие арбузы, что разворотили наш дом?

– Это тоже аргумент больше для пожарной команды, которая его тушила.

Услышав это, Папа вернулся в спокойное состояние.

– Успокойся. Ты, похоже, ничего не понял. Нашей вины в этом нет. Дело в них самих.

– Что ты имеешь в виду?

– Деньги... Видно, у Бюро их просто нет.

– Военные и без денег? – злобно рассмеялся Самомото. – Не поверю. Не бывает военных без сапог, ружья и денег!

Он шуганул клаксоном зазевавшегося пешехода. Глядя со злорадной ухмылкой, как тот скачет по лужам, уже спокойно спросил:

– Как дальше работать будем? Опять ведь все на коленке делать придется. В домашних условиях, на кухне...

– А... Не в первый раз, – отмахнулся Папа Цаплер. – Не для себя же. Для науки!

Цаплер любил науку самозабвенно и преданно. Она была для него всем: и женой, и любовницей, и смыслом жизни, и самой жизнью – и, без всякого сомнения, станет причиной смерти.

Часто, распивая с Самомото бутылочку горячительного в свободное от опытов время, профессор говаривал коллеге:

– Мы с тобой, брат, смертники. А жизнь для нас вроде краткосрочного отпуска.

Товарищ с ним соглашался. Наука давала им все: средства к существованию, положение в обществе, даже большинство радостей и горестей приходило от нее.

Папа Цаплер вспомнил время первых опытов с бешеными огурцами. Денег у них еще не водилось, и все работы велись в загородном домике коллеги. Сколько радости было, когда на лабораторных грядках появились первые особи с разрывными зёрнами! Прополки чередова-

лись с поливами, поливы – с внесением удобрений. Каждый слабенький огуречный росточек лелеялся, как цветок редчайшей орхидеи... Но как оказалось, у растений чувство благодарности отсутствовало напрочь – когда наступило время размножения, большая их часть пожелала размножиться в сторону ближайшей фермы...

К счастью, хозяев не оказалось дома, им повезло, чего не скажешь о 132 свиньях и 48 коровах фермерского мясного стада. Эти цифры – первые цифры потерь – профессор запомнил, наверное, навсегда.

Дело оказалось шумным, но его удалось замять благодаря стараниям одного лауреата Нобелевской премии и генерала Целепанго. Именно после этого инцидента ими заинтересовалось Военно-Техническое Бюро, и друзья получили возможность работать на полигонах Министерства Нападения. Они тесно сотрудничали с ними до тех пор, пока на лабораторию чуть не упал «Фантом», столкнувшийся, как показало следствие, с несколькими сцепившимися пушинками взрывчатого одуванчика...

За воспоминаниями Папа Цаплиер не заметил, как машина миновала последний освещенный магазин, бензоколонку и выехала из города. Разговаривать не хотелось – только что хмырь из Военно-Технического Бюро отказал им в финансировании уже утвержденной Министерством Нападения программы опытов. В молчании они проехали несколько километров. Дорога была пуста, и Самомото, давая волю раздражению, вертелся на ней, заезжая на полосу встречного движения.

– Успокойся, – посоветовал Папа Цаплиер. – Наше от нас не уйдет...

– Их от них тоже... – Самомото встрепенулся от забредшей в голову мысли. – Я к этим гадам завтра съезжу. Репей посажу... Или одуванчик.

Папа Цаплиер поморщился. Его товарищ был человеком хорошим, но увлекающимся. Сам профессор считал, что с радикальными идеями лучше подумать до утра и не строить никаких скоропалительных планов отмщения. Да и кому там мстить? За что?

– Это все, конечно, возможно. Возможно, даже нужно и необходимо...

– Но?

– Но меня, если честно, больше всего сейчас беспокоит этот ящик с ананасами. Его точно не было? Или он все-таки был и пропал?

– Не было, – ответил Самомото.

Папа Цаплиер облегченно вздохнул.

– Или был... – продолжил Самомото. – Какая теперь разница? По накладным ящик проходит?

– Нет.

– Ну, вот и все. Значит, и не было.

– А если все-таки он есть?

– Тогда мы узнаем обо всем из газет.

– Ага... Узнают и урежут финансирование. Появятся же у них деньги в конце концов?

– Я бы на их месте поступил с точностью до наоборот. Засчитал бы это как очередной опыт, подтверждающий нашу профессиональную состоятельность.

– Вот поэтому ты и не генерал.

– Точно. Я умнее...

Самомото плавно сбросил скорость. Дорога, огибая довольно высокий холм, круто поворачивала. Перед поворотом лежали скатившиеся сверху камни. Машина притормозила. Кусты, густо росшие вдоль дороги, царапнули ветками по стеклу. Папа Цаплиер оторвал глаза от асфальта, разглядывая крупные красные ягоды на ветках, и не сразу сообразил, что машина встала.

– Э-э-э? Человек? – удивился Самомото, увидев торчащие из-под капота ноги.

– А-а-а, дави его... – скомандовал Папа Цаплиер. – Одним больше, одним меньше...

Его товарищ не послушался и ткнул локтем Папу Цаплера, чтобы не зарывался:

– Посмотри...

Бормоча вполголоса проклятия в адрес очередного мученика науки, Папа вышел из машины. Обходя грузовик, профессор успел проклясть жизнь и порядки, при которых ему мало того что не дают на опыты денег, так еще и разные дураки бросаются под колеса... Не скрывая своего раздражения, этот обычно интеллигентный человек нецензурно советовал лежащему на асфальте идиоту, если тот действительно хочет свести счеты с жизнью, дойти до их лабораторного огорода, встать под яблоню и потрясти ее посильнее. Выслушать ответ ему не пришлось. Внимание переключилось на окруживших его вооруженных людей.

– В чем дело? – спокойно спросил профессор. Он мог бы и не спрашивать, и без того ясно было, что дело, скорее всего, в их бумажниках или автомобиле. – Господам угодно развлечься?

– Господам угодно прокатиться, – раздалось снизу.

Гекча поднялся с асфальта.

– С вашего разрешения мы хотим воспользоваться этим автомобилем.

В профессоре, еще не остывшем от словопрений в Военно-Техническом Бюро, закипело холодное бешенство.

– Может быть, вам еще что-нибудь нужно? У моего коллеги, например, есть хорошее исподнее... Совсем чистое...

Этот вопрос остался открытым, оттого что кто-то крикнул:

– Профессор! Коллега!

Нарушив все правила конспирации, на дорогу выбежал один из делегатов и начал трясти руку Папе Цаплеру.

– Не пугайтесь, профессор. Тут все порядочные люди, – приговаривал делегат.

Близоруко щурясь, профессор разглядывал говорившего, не в силах поверить своим глазам, и наконец всплеснул руками.

– Сеньор Себасьяно? Вы? – спросил он с великим изумлением. – Вы на большой дороге? Вам что, мало платят на кафедре гидравлики?

– Одну минуту, профессор! – перебил его делегат. – Среди нас нет грабителей!

* * *

Ага... Вот и ощущения вернулись. Из бесплотного духа, витавшего в кабине над профессорскими головами, я стал живым человеком. Чувствующим, видящим, способным к действиям. В руках автомат, и взгляд с прищуром. Так. На всякий случай. Я же понял, что это не враги.

Профессор полуобернулся ко мне и вполголоса, но так, чтобы слышал водитель авто, сказал:

– Это профессор Цаплер. Порядочный человек... Мне думается, что он на нашей стороне... Позвольте, я поговорю с ним.

Я пожал плечами. Машина у нас, считай, имелась. Водителей в нашей компании тоже хватало, так что вполне можно было бы обойтись без помощи и даже согласия, но я все-таки кивнул. Все-таки хозяин за рулем своей машины выглядит убедительнее, тем более что, оказывается, и личность он тут достаточно известная.

– Пожалуйста. Но ничего лишнего...

– Конечно нет, – успокоил меня делегат, ничего, похоже, плохого не подумавший. – Я только объясню, что его автомобиль послужит благородному делу.

Пропаганда – дело хорошее, однако сейчас не время для митингов.

– Хорошо. Только не объясняйте какому...

Делегат повернулся к профессору:

– Уважаемый коллега! Я не вправе рассказать вам всего...

Тот, кого мой соратник назвал профессором Цаплером, ехидно и невежливо перебил коллегу:

– Я не настаиваю на том, чтобы узнать хотя бы и половину. Не принимайте меня за идиота... По виду ваших друзей и так понятно, кто вы такие.

Делегат сбился, подавившись готовой соскользнуть с языка фразой.

– Вы знаете мой образ мыслей. За последние сорок пять минут он стал еще более радикальным, поэтому давайте ближе к делу... Если вам нужна помощь двух бедных провинциальных профессоров, то мы готовы оказать вам ее.

Наш товарищ затряс его руку еще сильнее:

– Спасибо, профессор! Я знал, что в трудную минуту вы будете рядом с нашим многострадальным народом!

– Короче.

– Нам нужен ваш автомобиль.

– Вас преследуют? Вы бежите?

– Что вы! Мы просто планомерно отходим, – с достоинством ответил коллега. – Из тактических соображений.

Папа Цаплер посмотрел на Самомото. Тот с интересом ждал, чем закончатся переговоры.

– Ладно, – сказал профессор. – Я тут подумал и решил, что для Военно-Технического Бюро это будет покруче, чем репейник. Репейнику еще расти и расти, а тут – раз, и готово...

Я его понял – интродукция все-таки имеет смысл, – и товарищ за рулем грузовика кивнул:

– Мы поможем вам. Приятно, когда в такую тяжелую минуту лучшие представители нашего многострадального народа пожелали составить нам компанию.

Он повернулся ко мне, сразу определив, кто тут главный. Пару секунд мы мерились взглядами. Очевидно, профессор решал, какой тон выбрать для разговора. Я представлял, что сейчас творится в его голове, и поэтому не удивился его выбору. Профессор решил говорить с позиции силы. Ну, сразу видно, что не профессор психологии.

– В тех кустах у вас никто не прячется?

Слово «прячется» мне не понравилось, но я простил его этому штатскому – все-таки не лингвист он, а, похоже, какой-то ботаник:

– Нет. В тех кустах у нас никого нет.

Глядя на меня, новый знакомец достал из бокового кармана тонкую трубку. Покатав что-то во рту, поднес ее к губам и с силой дунул в сторону кустов. Там гроыхнуло. В стороны полетели ветки и осколки камней. Один из осколков ударил меня по ноге. Черт! Больно же! Как бы даже не больнее, чем когда меня штыком пырнули.

Пережидая звон в ушах, я с искренним интересом оглядывал вывороченную рядом с дорогой ямину. Ого! Никак не хуже гранаты. Только вот как он ее во рту уместил и через трубочку выплюнул?

Через мгновение на дороге остались только автомобиль, профессора и я.

– Что случилось? Кто стрелял?

Папа Цаплер присел на корточки так, что голова его оказалась рядом с головой нашего товарища.

– Это хорошо, что у вас там никого не было, – сказал он назидательно, кося глазом в мою сторону, – а то могло бы произойти несчастье...

Если б профессор удосужился поднять вверх палец и потрясти им, то стал бы похож на бродячего проповедника. Только вот яма в земле намекала на то, что проповедями этот интересный человек может и не ограничиться. Чтобы не оставаться в долгу, я улыбнулся и подбросил на ладони пистолет.

– А это – пистолет Марголина с глушителем. Если выстрелить кому-нибудь в руку, в ногу... или даже голову, то эффект будет примерно тот же, хотя шуму – гораздо меньше... Я считаю, что мы договорились?

Профессор наклонился, близоруко разглядывая оружие в моей руке.

– Похоже, вы очень серьезные люди, – наконец сказал он.

– Не сомневайтесь, – подтвердил я его догадку. – Но если мы отсюда не уберемся, то всем нам будет плохо.

– Уговорили, – буркнул профессор. Повернувшись к товарищу, так и не покинувшему кабины грузовичка, скомандовал: – Самомото! Мы уезжаем.

– Что за люди?

– Общество, – ответил Папа.

– Хорошие люди, – с чувством заметил ученый, рассматривая автомат на Зеббовой груди.

Тот махнул рукой, и с задней стороны грузовика послышался топот многих ног, хлопнула дверца.

Профессор обеспокоенно заозирался:

– Ты бы предупредил молодых людей... Мало ли что...

– Да! – сказал Папа Цаплер. – Там у нас ящики... Так вы с ними поосторожнее.

– Что-то ценное? – поинтересовался я. – Достояние угнетенного народа?

– Нет. Овощи. Продукция с лабораторного огорода...

В голосе профессора чувствовалось нечто недоговоренное. Я посмотрел на дымящиеся останки куста, потом на профессора. Тот, ухмыльнувшись, ответил на немой вопрос:

– Эта горошина с той свеклой, что в фургоне лежит, на одной грядке росли...

– Биовзрывчатка, – внес ясность желчный Самомото. – В машине не плевать и не курить.

Он явно хотел произвести впечатление на нас, но просчитался.

– Других предосторожностей не нужно? – небрежно поинтересовался я. – Чесаться и бить чечетку не возбраняется?

Папа Цаплер оглядел меня, словно редкость, бог знает как попавшую в его руки. Ему явно хотелось сказать что-то колкое, но ученый благоразумно сдержался. Вместо этого он с печальным вздохом произнес:

– Я не знаю, насколько вы матерый революционер, но в плане науки, друг мой, вы дремуче невежественны... Вы даже не представляете, с чем столкнулись!

– Почему же? Но самое главное для меня в данный момент то, что, по-видимому, у вас есть все необходимые документы от Министерства Нападения.

– Господи! – Он воскликнул так, словно я спросил его о чем-то неприличном. – Документы... Да уж конечно! Мы же на них работаем!

– Работали, – поправил Папа Цаплер товарища. – Все уже в прошлом...

– Значит, помех на нашем пути будет не много.

– Если ваши приятели не подорвут нас по дороге, – сказал Самомото, – то мы довезем вас хоть до президентского дворца, если вам туда нужно.

– Вас знают? – удовлетворенно спросил подошедший Председатель, услышав то, что хотел услышать.

Профессора переглянулись с самодовольными улыбками:

– Нас боятся...

– Мы подарим вам на память сводки полицейского управления, – пообещал Папа Цаплер.

Зебб откуда-то сзади крикнул:

– Мы готовы. Можно ехать.

Я подошел к грузовичку сзади. За низким бортиком, полузанавешенным брезентом, лежали несколько ящиков. На них и расположились ребята из группы и делегаты.

– Я в кабине. В ящиках, что в кузове, – взрывчатка. Загородите ими двери. Если что-то начнется...

Зебб закивал, показывая, что знает, как поступить в этом случае. Надеюсь, что обойдется...

– Ну, сам знаешь, что говорить об этом...

Председателя втянули внутрь. Я закрыл заднюю дверь и сел рядом с профессорами.

Плюнув синим дымом плохо отрегулированного выхлопа – профессора называется, – фургон взревел и тронулся с места. За лобовым стеклом заскользила дорога; рассекая ее на кусочки, заворочались дворники...

Глядя на Папу Цаплера, управляющегося с рулем, я задумался и попытался разобраться в себе – как мне это все? Программисты молодцы. Люди у них как живые получились – и внешность, и поведение, но все-таки затянута... Затянута... Ну и само собой, темп игры... Где стрельба? Где поединки нервов? Где все это?

Я потер ногу. И болевые ощущения надо как-то дозировать. А то слишком больно... А если, не дай бог, пуля заденет? Нет...

Под эти мысли мы мчались сквозь ночь. А, собственно, куда? Я встряхнулся. Картинка за окном, оказывается, стояла. Машина правдоподобно подрагивала, гудел мотор, и сиди я с закрытыми глазами, то ничего бы и не заметил, но вот движения не было. Там, за стеклом, время словно остановилось, стало фотографией движения, смазанным снимком, сделанным неумелым фотографом, и все, кто меня окружали – и мои товарищи по подполью, и сочувствующие бедствиям народа представители интеллигенции, – замерли в нелепых позах, став частью стоп-кадра.

Снова глюк...

Ладно. Зря я программистов похвалил. Будем играть дальше. Раз стоим, значит, надо выходить. Да и какой смысл ехать по дороге, где ни одной засады не предвидится?

Я хлопнул ближайшего профессора по плечу:

– Стойте, сеньор! Мы выходим...

* * *

И снова рейд через лес.

Поглядывая по сторонам, я думал о странной тяге программистов к бесплодному топтанию на месте. Для такой игры это серьезный минус! Отчего так? Может быть, кто-то из них любитель грибы собирать? Не забыть внушение сделать.

Постепенно лес становился все реже и реже. Вскоре он и вовсе сменился кустами. Прорвавшись сквозь них, я вышел на поляну. Место хорошее. Неужели и тут что-то должно случиться? Похоже на то. Вон и команда моя встала и стоит. Прямо почетный караул... И что стоим? Что я сюда, зря, что ли, пришел? Ну да. Про здравый смысл в игре я уже говорил...

Тут мысли мои прервались. Стало ощутимо светлее. Словно луна вошла и из кустов вышел... Да какой «вышел». Вылетел или выпрыгнул – будет гораздо точнее – мужик. Лесник, что ли? Так, что ему среди леса делать? Такому только в балете танцевать – прыгает как кузнечик... Правда, такой ширины плеч у танцоров мне в балете встречать не приходилось. Просто неохватной ширины мужик. Ох, какой экземпляр! Ну а раз не балетный, значит, каратист. Лесничий-каратист. Вон какая растяжка у человека... И скорость. Ногами что ножницами стрижет. Хотя при такой фигуре в реальной жизни его вряд ли в карате бы заниматься взяли – слишком уж массивен, но тут, в игре, свои законы. Тут можно многое из того, что нельзя в реальном мире. Ну что ж... Как вышел из кустов, так туда и улетит...

Что там в менюшке указано? Ага, сразу стоит «Мастер». Ну что ж, посмотрим, какие тут на вкус мастера...

Как там купец Калашников с Кирибеевичем-то обошелся? Вот и я его сейчас... Я тут главный!

Прыгаю навстречу, целя в выставленную ногу и рассчитывая услышать хруст сломанной кости и соответствующий моменту вопль, но не вышло. А у противника получилось! Он подпрыгнул и заехал мне пяткой по голове. Удивиться его резвости я не успел. От удара меня унесло в кусты. То, что те оказались с колючками, стало не самой скверной для меня новостью. Боль! Я испытал не удивление, а боль! Самую настоящую боль, какую только можно получить от такого удара. Да и как бы не посильнее. Я лежал на песке, в голове звенело, а этот паразит уже принаравливался пустить в ход другую ногу. Нет уж... Перекатываюсь через голову и... стучаюсь ей о камень. Что ж они, сговорились, что ли?

От второй ноги я сумел увернуться – она прошла сквозь кусты, и те хоть бы шелохнулись! Ему-то, гаду, не больно. В его пикселях нервов не прописано. Он даже не умрет, когда я его убью, а только притворится мертвым. Так что ему наплевать, есть там колючки или нет, а мне каково?

Нет уж, пожалуй, с этим мастером мне резона биться нет. Осторожно отступая, я вызвал менюшку, но вот пообщаться с ней не вышло. Не реагировал она более на мои призывы.

Ай да Алексей... Ай да сукин сын! Такой сын, что, пожалуй, покруче Александра Сергеевича! Этот лесничий, если посильнее размахнется, ведь и убить сможет... Что они там, все с ума сошли, эти чертовы программисты?

Чего они добиваются? Если такой уровень болевых ощущений оставить, то какой дурак игру покупать будет? Ну, разве что мазохисты... А где их столько набрать?

Пока я переживал, персонаж не стоял на месте. Почему-то вспомнился Твардовский: «Ах ты вот как? Драться каской? Ну не подлый ли народ!..» Ох, накликал...

Ах ты вот как? Руками? Ног тебе мало?

Я подхватил камень и подставил его под несущийся к моей голове локоть. Вот. Так тебе и надо. Скорчил гримасу-то... Нападавшего немного развернуло, он неосторожно повернулся ко мне затылком, и я, не сдерживая себя, обрушил оружие пролетариата на голову противника.

Череп у персонажа оказался не крепче куриного яйца... Как оттуда брызнуло! Мне в лицо ударил фонтан крови, мозгов и всего того, чему по анатомии полагалось быть в человеческой голове. Только у персонажа все это оказалось под давлением. Шибануло как из канализации. До этого момента я не знал, как пахнут мозги. И дальше бы не знать...

Я был весь во всем этом... И запах крови... От противной слабости задрожали ноги. Вот так игра... Не обманули... Реально новый уровень достоверности. Пережить бы его.

Было противно до дрожи. Колечки... Колечки... Где-то они же тут были... Такие круглые, хорошие, золотистые... Я крутил головой, стараясь разглядеть их, я рвался к ним, как утопающий к земле. Я дергался, дергался, дергался... Все напрасно. Игра не выпускала меня из себя.

Не обращая внимания на персонажей, я уселся в траву, обхватив голову руками. Какое-то время сидел, осмысливая происходящее. А ведь это, похоже, неспроста. Все складывалось один к одному. И из игры не выйти, и бить меня начали по-настоящему.

Глюк? Или все-таки месть?

Если он последователен, то должен убрать и все возможности выбраться из игры... Боюсь даже подумать, что случится со мной, если позволю себя убить... Подпольщики за моей спиной стояли безмолвным забором. Их словно бы тут и не было.

Несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь. Из-за чего бы это все ни случилось, получалось, что в этом мире я теперь на равных с персонажами. И чтобы вылезти из него, мне придется пройти лабиринт до конца, понимая, что за каждым углом выстроится очередь из желающих осложнить мою жизнь.

Неожиданно меня осенило!

Я ведь могу легко проверить, глюк это или месть, прямо сейчас. Не вставая и не сходя с места! Включаю логику. Если тот болевой порог, что сейчас установлен в игре, останется на своем месте – точно месть. Я коснулся шипов на ветке, нажал... Больно. По-настоящему больно!

Перед глазами встало ухмыляющееся лицо Алексея.

– Ах ты ж... Юный натуралист... Встречу я тебя. Ох встречу...

Ладно. Нечего рассусоливать. В любом случае во всем этом есть один огромный плюс – я тут бессмертный. Минус, правда, также есть – я теперь для них для всех мишень! От этой мысли у меня внутри все заглохло. Вот только что, несколько секунд назад эта жизнь была реально чужой, но ситуация изменилась...

Мне будет больно, если я себя не поберегу, но это уж зависит от моей сноровки, а боль придется перетерпеть.

Только бы свои в спину стрелять не начали... Конечно, умереть я не умру – он же себе не враг, ему еще у нас работать и работать, а вот ощущений наверняка хлебну полной мерой, и мера эта будет поболее той, что я хватанул, когда меня продырявили штыком. Все, что может меня освободить от игры, станет только новой порцией боли. И ничем, кроме нее. И какой боли! Первосортной! Очищенной от сантиментов боли...

Я оглянулся, чувствуя себя затравленным волком...

Как-то неощутимо и незаметно наш путь закончился около каких-то полупромышленных зданий. Длинные корпуса, когда-то новенькие и красивые, к этому времени уже поблекли и превратились в серые тени самих себя. Ну, конечно... Где же еще вершиться таким делам, как покушение на Президента? Только тут. На пролетарских окраинах, где все свои и никто никого не сдаст... Над длинным баракком, заклеенным обрывками рекламных плакатов, читалась посеревшая от времени надпись: «Склад компании «Джерт»».

Председатель бойко распорядился у меня за спиной, а я все почесывал ногу. Болела нога-то... Когда делегаты разбежались по конспиративным квартирам, мы и сами двинулись туда, где нам положено было быть. На базу. На предназначенную для нас явку – в подвал самого большого в городе универсального магазина.

Мы повернули за угол и, совсем немного прошагав, очутились в совершенно другой локации. Тут дома смотрелись побогаче и витрины магазинов соответствовали самым требовательным взглядам. Полсотни шагов и такие перемены? Ну и что? Раз это никого не удивляет, то с какой стати это должно удивлять меня?

Спуск в подвал. Длинный коридор. Череду комнат... Одна из дверей со скрипом отворяется... Почему-то жду засады, но никакой засады нет. Где у них действие-то? Это, похоже, место отдыха... Оглядываюсь, обегая взглядом стены. Что ж... Неплохо... Только вот портреты с полуодетыми девицами зачем? Понятно, что это красиво и правда жизни, но ревнители нравственности точно взвоят и поставят ограничение по возрасту на игру, а это никуда не годится... Надо будет сказать, чтобы убрали... Пусть репродукций каких-нибудь навешают. Пусть даже «Иван Грозный убивает своего сына». Все в тему...

Так... А что у противника? Я трижды хлопнул в ладоши. О! Работает!

* * *

И снова я бесплотный ангел. Подо мной – дремлющий в кресле человек в мундире. На противоположной стене портрет этого же человека. Он написан художником в такой официальной манере, что не приходится сомневаться. Это – Президент. Наша цель.

– Сеньор Ригондо! Сеньор Президент!

Это мне? Да. Это я тут дремлю... Я открываю сомкнутые полудремой веки. В дверях стоит старый лакей, бывший когда-то моим денщиком еще с лейтенантских времен и потому

имевший право на некоторую вольность в обращении. На ливрее золотистыми отметками горели нашивки за ранения.

– Что тебе, Цезарь?

Слуга приосанился и, по-военному сдвинув каблуки ботинок, отрапортовал:

– Сеньор генерал! В прихожей ждет делегация штатских. Им назначено.

– Назначено? – удивился я, хотя повода для удивления не имелось никакого. Я и сам отлично помнил, что сегодня мне придется разговаривать со штатскими. Какая-то делегация... Корреспонденты... Очередной реверанс в сторону так называемых избирателей. Неприятно, но необходимо. Мелькнула мысль, что неплохо бы оставить право голоса только у тех, кто отслужил в армии и получил там хорошую прививку от вольнодумства, но отложил ее на время. Не отбросил, но отложил.

– Да, сеньор генерал.

Я поднялся. Одернув мундир, повернулся перед зеркалом. Мундир сидел отлично. Ни морщин, ни складок. Из-за стекла на меня смотрел моложавый генерал. Подтянутый, без всяких гражданских излишеств вроде отвисающего брюха или сутулых плеч. Высокий с залысинами лоб пересекала темная полоска, напоминавшая о моей любви к маневрам. Цезарь подскочил сзади и смахнул щеткой несколько пылинок.

– Ну как? – спросил я, откровенно любуясь сам собой.

– Не хуже, чем в тот раз, когда получали «Серебряную звезду» за бои на Сьерра-ди-Мондо... Ну, помните? Еще у *того* президента... – фамильярно напомнил слуга.

– Помню... Тебя тогда наградили крестом «Отвага в огне»?

Польщенный Цезарь кивнул. Я, оказывается, и это помнил. Это дорогого стоило – воинское братство! Этим штатским не понять.

– У вашего превосходительства отличная память.

– Нам, старым солдатам, другая и не нужна... Не правда ли?

Цезарь с обожанием глядел на меня:

– Конечно, мы помним все, сеньор генерал!

– И всех!

В приемной, стиснутые группой адъютантов, стояло шесть человек – городская депутация.

– Сеньор Президент! – провозгласил Цезарь и, отступив в сторону, освободил проход.

Адъютанты разом вытянулись, а делегаты выступили вперед, слегка склонив головы.

– Вольно, господа!

Легкий шум пробежал по залу. Мэр города выступил вперед:

– Сеньор Президент! Я счастлив приветствовать вас в нашем городе. Великая честь, выпавшая нам, побудит нас с еще большим рвением взяться за преобразование нашего общества и всемерно помогать нашим вооруженным силам, целиком посвятившим себя этому тяжелому, но благородному занятию...

«Слишком много «нашего», – подумал я. – Вот что значит штатские – речь путную написать не могут...» Подумал, но ничего не сказал. Выдавив на лицо маску доброжелательной внимательности, слушал, как на меня рекой льется патока славословий. Когда-то, первое время, это щекотало нервы, а теперь уже приелось. Одни и те же слова приблизительно в одних и тех же сочетаниях повторялись из раза в раз.

Сказано было также о личных заслугах Президента перед Народом и Отечеством, о происках коварного внутреннего врага, о провокациях безответственных болтунов...

Мэр говорил около пяти минут. В конце своего выступления выразил надежду, что я найду время и возможность посетить исторический центр города, где и распишусь в книге почетных гостей.

Я слегка помедлил, но все же кивнул. Наверное, это важно для игры, если наши игроделы так все обставили, и ответил двухминутной речью, в немногих словах выразив благодарность жителям города и городской администрации. Этим аудиенция и завершилась...

Фигурки застыли, и я понял, что в этой локации все закончилось. Три хлопка, и вот я снова в подвале. Что тут у нас?

* * *

Стащив с головы наушники, я до хруста в костях потянулся. Все-таки ящик из-под автоматов не самое удобное сиденье. Моим товарищам, правда, пришлось вообще стоя слушать, но никто ведь и не обещал нам легкой жизни. Несмотря на трудности, потеря почти часа, вдобавок еще и в такой неудобной позе, вполне себя оправдала. Локация понятна. Исторический центр и обед в ресторане под старину.

– Завтра Президент Ригондо должен посетить исторический центр города. Я думаю, что наш народ много выиграет, если там и останется, став частью нашей славной Истории, – сказал я.

Мои товарищи, окружавшие стол, согласно закивали. А как же иначе?

– Насколько достоверны сведения? – спросил Зорбич.

– Мы все слышали одно и то же.

– Знаю я это радио... – с непонятной усмешкой сказал старый подпольщик.

– Имейте в виду, что это не государственная радиовещательная корпорация, – напомнил я. – И это не пропагандистский канал. Люди из группы обеспечения сумели вшить в костюм мэра микропередатчик.

– И все-таки это может оказаться провокацией. Обнаружить передатчик так несложно.

– Наш – сложно, – веско обрубил я, желая прекратить дискуссию.

Товарищи с недоумением смотрели на явно мандражирующего Зорбича, и тот сдался.

– Раз вы так тонко работаете, то могли бы вшить ему вместо передатчика хорошую бомбу... – проворчал он.

Поняв, что препирательства закончились, я подвел итог:

– Решено. Завтра проводим акцию. Беру с собой четверых.

На секунду я остановился, прикидывая, чьи имена назвать. Внешне невозмутимые, люди ждали моего решения.

– Зебб, Кастуро, Зунда, Зорбич. Все. Остальным – отдыхать!

Инсургенты уходили из комнаты. Каждый считал своим долгом хлопнуть по плечу тех, на кого пал выбор. Удачи никто не желал – во все времена это считалось плохой приметой...

Как будет произведено покушение, я знал. Как некое заданное знание в голове вертелась мысли, что у Общества имелся немалый опыт в проведении акций. Ни одна операция по ликвидации не проводилась спонтанно, все тщательнейшим образом планировалось.

Мозговой трест Общества, изучая привычки президентов, разрабатывал несколько вариантов покушения. Не все они, конечно, шли в дело, но то, что использовалось, всегда вызывало всплеск сенсационных заголовков на страницах газет.

От президентов и генералов избавлялись разными способами – взрывали яхты на морских купаниях, стреляли в театрах и на выставках. Одного беспечного президента умудрились пристрелить в кондитерской во время дегустации. Фотографии президентской фуражки в кремовом торте обошли, вероятно, всю мировую прессу. Программисты тут хорошо поработали и собрали разные реальные варианты состоявшихся покушений.

Для сеньора Ригондо разработали шесть вариантов расставания с жизнью. Основой для каждого из них стала одна из привычек Президента. Какой из них мне предложит игра, определяла программа. Вот она и определила...

Посещение им исторического центра Кайзерклаца предусматривалось планом номер пять. Итак, план имелся. Нам оставалось только привести его в исполнение. Отпустив всех остальных, я подозвал к себе четверку.

– Учить мне вас, ребятаки, нечему, да и незачем. Вас и так много учили. Скажу только одно. Надеюсь, что энергия и опыт, – я посмотрел на Зорбича, – дадут в совокупности то, что нам нужно.

Достав из кармана пачку бумаг, я бросил ее на стол.

– Тут план ресторана «Корчма». Через несколько часов нам предоставят кое-какую одежку, и мы станем частью его культурной программы. Будем изображать средневековых слепых певцов.

Широким жестом, приглашая товарищей взять и посмотреть площадку для работы, я разбросал фотографии по столу. Выбрав нужную, ткнул пальцем:

– Это Синий зал... Тут мы будем его ждать.

Зорбич побарабанил пальцами по столу. Видно было, что что-то гложет старичка.

– В словосочетании «слепой музыкант» меня не устраивает одно слово.

– Придется зажмуриться, – весело сказал Зунда.

– Меня не устраивает слово «музыкант»... Прижмуриваться я могу сколько угодно, а вот играть... – Он покачал головой. – Даже на средневековом рояле.

– Надеюсь, что до игры дело и не дойдет, ну а на крайний случай Кастуро что-нибудь исполнит... А?

Тот кивнул.

– Рояль там есть?

– Есть.

Я перетасовал снимки, нашел фотографию концертного «стейнвея», показал:

– Такой подойдет?

– Да, все в порядке...

– Все в порядке будет, когда мы, наши дела сделав, оттуда живые уйдем. Смотрите внимательно, запоминайте.

Вместе со всеми я рассматривал фотографии и сравнивал их с планом. Полузакрыв глаза, расставлял мебель с фотографий, заполняя ей пространство ресторана. Когда мебель закончилась, я мысленно пробежался по комнатам, запоминая, что где стоит. Все было понятно. Беспокоило только одно – дверей там оказалось слишком мало... Всего две. Для того чтобы держать оборону, это было неплохо, но нам предстояло не только отстреливаться, но и уйти с места покушения.

Для меня сейчас было более важно, чем для персонажей. Стрелять будут и по ним, и по мне, но с ними-то, даже если попадут, ничего не случится, а вот со мной... Нет. Этого лучше не допускать...

– Ладно. Бог даст, завалим мы его... – подал голос Зебб. – Как нам уходить?

– Путь один. Из Синего зала на кухню. Это тут. – Я нашел на плане кривой коридор, прижал рисунок пальцем. – Из кухни выход во двор...

Палец выехал за нарисованную стену. Другой рукой я вытащил фотографии кухни и двора.

– Во дворе несколько канализационных люков. Тот, который нужен нам, – третий. Его пометят белой краской. Внизу три тоннеля. Наш средний. Тоннель выведет нас к главному городскому коллектору. Уходить будем через него.

– По дерьму? – спросил Кастуро, брезгливо морщась. Эстет... Хотя для человека, играющего на рояле, это и вправду может быть потрясением.

– По? – делано удивился я в ответ и, с удовольствием руша чужие иллюзии, объяснил: – Сквозь!

Совещание закончилось.

Я поднялся, чтобы выйти, и – нежданная радость! – увидел огненное кольцо. Ребята проходили мимо, не замечая его. Господи! Неужели мне повезет? Я впрыгиваю в него, чтобы вынырнуть из игры. Но... Облом. Оно меня не замечает. Я наступаю туда раз, другой, третий, и снова ничего. Что ж... Глупо было после всего произошедшего рассчитывать на успех.

Нечего мне надеяться на чью-то помощь. Каждый сам себе лучший слуга... Подумаю-ка я о чем-нибудь позитивном. Только вот не успел я ни о чем подумать.

Меня захватил вихрь событий, и я словно бы смотрел на самого себя сверху. Вот мы выходим из здания, садимся в автомобиль. Поездка по городу. Встреча с другим автомобилем. Мы пересаживаемся в него и едем дальше. Это они хорошо решили – и время не тратится, и логика не ломается. Вроде как все, что нужно, хоть и не особенно это интересно, – произошло...

* * *

...Машина подкатила к «Корчме» около шести часов вечера. Гекча, сидевший за шофера, подмигнул нам и укатил из тишины исторического заповедника, а мы закрутили головами, словно искали номер дома и название улицы. Выбрав наконец один из них, я, подняв футляр с виолончелью, подошел к входу и обратился к швейцару:

– Э-э-э, простите, любезный. Мы из консерватории. Нас просили быть по этому адресу... – Я протянул листок бумаги. – Мы не ошиблись? Это тут?

Швейцар, у которого богатая ливрея фасона XV века, против всякой исторической достоверности, явственно оттопыривалась под мышкой пистолетом большого калибра, оглядел нас.

Глаз у него острый. Наверное, такой же профессионал, как и я. Пауза затягивалась. Взгляд охранника становился все тяжелее и тяжелее. Чем-то мы были для него неясны... Чем?

Я поглядел на Зунду. Черт! Точно! На лице товарища читалось такое здоровье, что никаким роялем не придавишь. Здоровый румянец делал нас больше похожими на артель грузчиков, чем на квинтет музыкантов.

– Документы, – сухо потребовал привратник.

Вот это я одобрил. Мало ли как человек выглядит, может быть, он от рождения такой – главное, какие у него документы. А с этим у нас все было в порядке. Имелся даже пропуск, подписанный директором филармонии, и все печати стояли на своих местах, и секретные значки тоже.

– Инструменты...

Я открыл футляр. Заходящее солнце заблестело на лакированной поверхности виолончели. Бдительный швейцар протянул руку. Я позволил ему коснуться лакированного дерева, но тут же взволнованно предупредил:

– Осторожнее, пожалуйста. Это все-таки третий век до нашей эры...

Швейцар смерил нас взглядом, снова просмотрел бумагу, потом все же махнул рукой:

– Ну-ну, до нашей эры! Проходите. Вам в Синий зал, шутники...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.